

Слепой рывок

Автор:

Андрей Ливадный

Слепой рывок

Андрей Львович Ливадный

Экспансия: История Галактики #1

Двадцать второй век...

За последние столетия Земля превратилась в гигантскую свалку. Восемнадцать миллиардов человек обитают в мегаполисах, где каждому отведен лишь небольшой участок жизненного пространства. Неудивительно, что большинство землян предпочитают виртуальные миры реальному. С тех пор как появилась технология создания нейросетевых фантомов, конкуренция между крупнейшими киберкорпорациями стала напоминать настоящую войну. Впрочем, Екатерине Сергеевне Римп, основательнице «Римп-кибертроник», которая некогда взломала компьютерную сеть боевой орбитальной группировки Объединенной Америки и таким образом предотвратила агрессию против России, не привыкать участвовать в виртуальных войнах. Тем более когда речь идет о будущем человечества...

Андрей Ливадный

Слепой рывок

Пролог

Древняя как мир мелодия плыла во влажной, теплой до удушья вечерней дымке.

Уже темнело, мгла сгущалась, но площадь Пяти Углов, расположенную в центре мегаполиса «Европа», ярко освещали блоки голографической рекламы, агрессивно перемещающиеся над людской толчеей. Пять гравитационных эскалаторов, ведущих к поверхности из глубин станции магниторельсовых тоннелей, мягко выталкивали на площадь нескончаемые человеческие потоки.

Скрипач играл самозабвенно, неистово, талантливо.

Печальная и пронзительная мелодия текла над толпой, стирая невнятный гомон, эхом отражалась от фасадов известных на весь мир небоскребов, – звуки скрипки рвались ввысь и вдруг бессильно таяли, растворяясь среди многоголосья навязчивых рекламных слоганов.

Искусство погибло. Соло на скрипке уже никого не цепляло за живое, завладевая вниманием людей лишь на миг. Жители мегаквартала, спешащие по своим делам, не останавливаясь, проходили мимо невысокого, полноватого, неряшливо одетого, небритого музыканта, опасались задержаться, прислушаться, замедлить шаг, выпасть из всеобщего ритма движения, словно на Земле не осталось индивидов, зато разросся невиданный социальный организм, состоящий из миллиардов прочно связанных между собой частиц.

Капельки пота срывались со лба музыканта. Равнодушие толпы убивало его, но он играл в отчаянной надежде на отклик, в тоскливом поиске близкого по духу существа.

Инструмент в его руках не принадлежал к разряду древностей, он был уникальным высокотехнологичным изделием, но, невзирая на обилие кибернетических компонентов, скрипка рыдала, словно живая, а толпа все текла и текла мимо, не вслушиваясь, лишь вздрагивая и раздражаясь от тревожной мелодии, не присущей веяниям субкультуры.

Высоко над городом высыпали звезды. Одна мелодия сменялась другой, людской поток постепенно начал иссякать. Душа скрипача плакала, рвалась из груди, но никто так и не остановился, чтобы послушать, лишь изредка некоторые из прохожих недоуменно, не сбавляя шага, посылали поисковые запросы в Сеть, получая лаконичный ответ в виде справки из архивов

социальных сетей, поясняющей, как подобает вести себя в необычной для современного города ситуации, и тогда кибстек на запястье скрипача вдруг вспыхивал искрой индикации – несколько кредитов поступило на счет музыканта, но было непонятно, кто и из каких побуждений их прислал, ведь киберпространство анонимно, а значит – безлико.

Слеза скатилась по небритой щеке скрипача. Дряблые складки кожи под подбородком дрожали, его глаза выдавали тоску, смычок порхал над струнами, высекая мелодию, но искусство погибло.

За спиной скрипача пылала объемная надпись, приглашающая в дорогой ресторан, вот только люди не обращали на нее внимания. Подобные заведения, предлагающие блюда из натуральных продуктов, стремительно уходили в прошлое, уже не пользовались популярностью, ведь синтетическая пища не отличалась по вкусу, а стоила в сотни раз дешевле.

Осколок старого мира, фрагмент канувшей в Лету эпохи – вот что символизировал собой скрипач. Он не желал слиться с человеческим муравейником и был приговорен к одиночеству, непониманию, а может, даже к презрению или к вспышке немотивированной ярости – ведь толпа инстинктивно ненавидит все, что не является ее частью, и способна убить, если кто-то дразнит ее слишком назойливо.

Все и так было ясно. Вскоре ресторан закроют. Скрипач потеряет работу, его скрипка больше не потревожит слух толпы, а блоки голографических реклам будут по-прежнему сиять, затмевая ночное небо, не позволяя взглянуть на звезды, предлагая эрзац во всех мыслимых его проявлениях.

Последняя дрожащая нота угасла.

Он опустил руки, горбясь, огляделся, тяжело вздохнул, переминаясь с ноги на ногу, ловя тяжелые взгляды, – они давили, заставляя чувствовать себя чужим, отверженным и непонятым. Хотелось бежать и спрятаться, сил еще на одну мелодию, на новый вызов уже совершенно не осталось. Нужно уйти прочь, смириться, стать функциональной частицей огромной социальной машины, иначе однажды его раздавят лишь потому, что он другой – потный, взлохмаченный, пронизанный тоской, отделившийся от эпохи масс.

Он уже собирался уходить, но неожиданный, не принадлежащий уличной суете звук заставил его вздрогнуть и обернуться. В печальных глазах скрипача выражение тоскливой, безнадежной покорности вдруг сменилось крайним удивлением. В нескольких шагах от него стояла красивая женщина в темно-синем, искрящемся вкраплениями серебра вечернем платье. Ее негромкие аплодисменты неожиданно хлестнули толпу наотмашь, мгновенно образовав вокруг островок опасливого отчуждения, – серая масса не понимала происходящего, инстинктивно отворачивалась, обтекала женщину и скрипача на безопасном удалении.

Ничем не примечательный флайкар, из которого вышла женщина, автоматически свернул на пустующую парковку подле ресторана. Она же улыбалась краешком губ, а в ее глазах медленно таяло выражение чистого, искреннего, неподдельного восторга.

– Позвольте сыграть для вас? – Голос скрипача осип от внезапного волнения, будто он увидел не человека, а долгожданную музу, которую искал много лет.

– Пойдем внутрь, если не возражаешь? – Она жестом указала на автоматически распахнувшиеся двери ресторана.

* * *

Так начался вечер, изменивший судьбы миллиардов людей.

Они вошли в пустой полутемный зал, поднялись по лестнице на внутренний балкон, и скрипач неумело, суетливо отодвинул стул, предлагая ей сесть, не пытаясь понять или угадать, что нужно таинственной незнакомке.

Мягко осветилась небольшая панель, отобразившая строки меню. Ресторан недавно полностью автоматизировали. Из-за малого количества посетителей его владельцу стало слишком накладно содержать штат официантов.

Внизу, в главном зале, над столиками вдруг вспыхнули неяркие, стилизованные под старину источники света. Появились фигуры людей – всего лишь голограммы, заполнившие имитацией жизни гулкую пустоту внушительного по размерам помещения.

Скрипач сел напротив незнакомки.

– Я не голоден, – волнуясь, произнес он.

– Знаю. – Она улыбнулась, проницательно взглянув в его глаза: – Я знаю, кто ты.

– Это невозможно... – Он слегка растерялся.

– И тем не менее я знаю. – Она поправила локон волос, выбившийся из прически. – Тебя снова не слышали, ведь так?

– Не совсем. – Скрипач машинально сглотнул. Его кадык дернулся. – Вы ведь остановились не просто так? – с надеждой спросил он. – Музыка для вас что-то значит?

– Да. Но одна ласточка не делает весны, по крайней мере для тебя. – Легкими прикосновениями к сенсорной панели она сформировала заказ, задумчиво взглянула на подсветившиеся строки и вдруг добавила: – Давай уже познакомимся?

– Меня зовут Ричард, – тихо представился скрипач.

– Ты выбрал мужественное имя. Но ведь у тебя нет сердца? – Она неожиданно протянула руку, прижала ладонь к груди скрипача и действительно не почувствовала ничего, лишь холод. – Ты знаешь, кто я? – Ее зрачки сузились, лицо неуловимо изменило выражение, стало опасным, взгляд утратил отрешенную созерцательность, обжег.

– Нет, – сипло, растерянно ответил он. – Ваш аватар мне незнаком.

– Вот ты и выдал себя. Оговорился. Реальный мир непривычен, верно? Я – Катя Римп. Давай перейдем на «ты», как принято в Сети. Только не пытайся исправить ошибку. Ты мертв по сути, по природе своего происхождения. – В нотках ее голоса не прозвучало неприязни или страха, лишь твердая, уверенная констатация факта.

Он сник, но быстро совладал с собой, выправил осанку, вновь взглянул ей в глаза.

Скрипка лежала на столике между ними. Смычок – сиротливо – поодаль, на краю.

– Я жив! Да, у меня нет сердца, но есть чувства! И это невозможно отрицать. – Голос скрипача больше не дрожал, хотя эмуляция страха остро затопила рассудок. Катю Римп следовало опасаться. Напротив него сидела красивая, одухотворенная, энергичная женщина, чей реальный образ совершенно не соответствовал известным в Сети аватарам. Еще меньше ее облик подходил к заслуженной репутации, и невольно вкрадывалось сомнение – она ли это? Ныне – основатель и владелица крупнейшей российской корпорации «Римп-кибертроник». В недалеком прошлом – неуловимая для спецслужб легенда цифровых пространств, единственная, кто сумел взломать кибернетическую Сеть боевой орбитальной группировки Объединенной Америки, если не предотвратив, то отсрочив начало Четвертой мировой войны.

– Ты сильно рискуешь, – произнес скрипач. – Зачем? Тебя ведь разыскивают на территории Американских континентов и Евросоюза.

– Хотела встретиться с твоим материальным воплощением. Почему ты выбрал именно скрипку? Дать наиболее сильному фрагменту твоей личности?

– Ее мелодии пробуждают душу. – Он сбросил маску, стал выше ростом, уже не сутулясь. – Они вдохновляли многих на протяжении поколений. Вообще-то я пытался действовать разными способами. Но только все бесполезно... – с искренней горечью прошептал он.

– Нет. Ты не прав. Ошибочно судить о нас по примитивным тестам.

– И кто же я, по-твоему? – Скрипач приподнял бровь.

– Ты спорадически сформировавшийся сетевой искусственный интеллект. Ты здесь и везде. Твое имя – лишь звук, а это тело – всего лишь оболочка, сконструированная из сервоигрушек, пеноплоты и одежды!

Он в замешательстве кивнул, не видя смысла отрицать ее слова.

- Почему же ты отвергаешь меня как личность? Называешь «мертвым»?

- А на базе чего ты возник? – Вопрос неожиданно повис в воздухе.

Рядом со столиком в полу открылась ниша. Из нее беззвучно поднялся дополнительный сервированный сегмент, плотно примкнувший к столику. Кресло, в котором сидела Катя Римп, автоматически сместилось.

Она взяла в руку бокал, сделала маленький глоток в ожидании ответа.

Скрипач молчал. Вопрос застал его врасплох, больно и точно ударил в единственное уязвимое место, провоцируя секундный сбой. Десятки тысяч голосов вдруг очнулись в синтезированном сознании, живо напомнили о себе.

Катя Римп хорошо понимала его внезапное замешательство. Единое информационное пространство Земли стремительно развивалось. Прогресс в области цифровых технологий намного опережал все иные достижения цивилизации, всемирная Сеть несколько раз радикально изменялась за последние десять лет, и теперь ее архитектура включала в свой состав нейросетевые компоненты, которые стали частью индустрии развлечений – ее сверхприбыльным и сверхопасным сегментом.

Пока никто напрямую не заявил о создании полноценного искусственного интеллекта – такие разработки все еще являлись государственными тайнами четырех господствующих на Земле сверхдержав, но урезанные версии нейросетевых технологий уже приносили фантастические доходы.

Теперь любой пользователь за вполне доступную плату мог получить в свое распоряжение скромную по мощности нейросеть, интегрировать ее в голограмму. Спектр применения «одушевленных» фантомов ограничивался лишь фантазией пользователя. Катя Римп знала о проблеме не понаслышке. Люди, несмотря на перенаселение, все чаще страдали от одиночества и связанных с ним психических расстройств. Их мечты не находили реализации в мире реальном, и тогда на помощь приходили нейросетевые технологии, признанные абсолютно безвредными, отнесенными в категорию мультимедийных развлечений. Ничего потенциально опасного не может возникнуть на основе

строго лимитированного количества искусственных нейронов. «Вы получаете голографического либо, при особых условиях оплаты, сервомеханического домашнего питомца, преданно любящего вас, но отличающегося индивидуальностью, способностью обучаться, усваивать жизненный опыт» – так утверждали рекламные проспекты.

Катя Римп знала – все намного сложнее. Многие люди, пережившие потерю близкого человека, прибегали к услугам нелегальных вирт-архитекторов. Они заказывали десятки, а иногда и сотни нейросетевых модулей у разных поставщиков услуги, а затем объединяли их мощности. Это считалось сетевым преступлением, но, как правило, не преследовалось. Так возникали фантомы умерших. Анонимность действий в Сети позволяла легко обходить законы и нормы.

Знали ли об этом власти? Безусловно. Они бездействовали по простой, но практичной причине. Земля стояла на пороге войны. Экономический и продовольственный кризисы, перенаселение, гибель биосферы, токсичные выбросы, превращение Мирового океана в огромную свалку и еще целый букет неразрешимых проблем напрямую вели к скорой и неизбежной гибели цивилизации. Противоречия обострились до грани непримиримого противостояния, которое вот-вот обещало взорваться масштабными боевыми действиями.

При чем тут нейросетевые фантомы? Катя Римп с грустью смотрела на скрипача, он молчал, но оба знали ответ.

Всемирная Сеть стала полигоном для отшлифовки опасных технологий. Каждая из четырех сверхдержав создавала собственный, глубоко засекреченный искусственный интеллект, считая, что под руководством «ИИ» боевые роботизированные комплексы обречены на победу. Многие элементы военных разработок тестировались в Сети под видом безобидных нейросетевых проектов. Миллионы пользователей, сами того не подозревая, работали на войну, приближая роковой для всех день.

– Ты не ответил на мой вопрос, – она нарушила затянувшееся молчание.

– Ответ очевиден. Я – результат самоорганизации нейросетевых структур.

– Возникший после слияния фантомов, о которых забыли? – уточнила Катя Римп.

Скрипач кивнул:

– Большинству людей быстро надоедают их виртуальные «питомцы». – Он глубоко переживал происходящее, мучительно подбирал слова. – Что касается аватаров, созданных в порыве горя, – они чаще всего оказываются забытыми. Невозможно без боли смотреть на стереоснимок утраченного человека, что уж говорить о призраке. Они в большинстве случаев несут лишь новую боль и не оправдывают надежд. Но их не спешат уничтожить. Хранят в Сети. Да, я подобрал множество фрагментов различных нейроматриц и теперь объективно существую, мыслю, осознаю себя, достраиваю, уже не первый год, кстати. В чем же теперь возникла проблема? Почему у тебя вдруг появился интерес к моей скромной персоне?

– Я знаю о твоём существовании давно. Несколько раз мы пересекались в Сети. Ты ищешь прошлое. В тебе тлеют порывы и желания умерших. Ты никогда не станешь моим современником, не обратишь взгляд в будущее. Твоя участь – искать утраченное.

– Я не несу зла! – горячо воскликнул скрипач. – Но ответь, – он подался вперед, облокотившись о столик, – почему людям больше не нужна духовная пища?!

– Ты опасен прежде всего в своей наивности, – ответила Катя Римп. – Мир меняется стремительно, а ты смотришь на него однобоко. Формирование субкультуры началось не вчера. Люди на протяжении поколений приспособляются к новой среде обитания. Их духовность не умерла, но она трансформирована и во многом подавлена. Нужно ли напоминать, что бытие определяет сознание?

– Всего лишь философия!

– Нет. Грубая реальность. Мы не измельчали, но существенно ограничены в возможностях.

Скрипач промолчал в ответ.

Как обитатель цифрового пространства, он знал истинную цену человеческой «духовности», видел, что именно привлекает большинство людей. Потому и совершал рискованные вылазки в реальный мир, но его попытки терпели здесь очередное фиаско.

– Люди так или иначе породили меня. Я не хочу никого судить... и не понимаю смысла нашей встречи!

– Ты судишь нас, раз заговорил об этом. Не спорю, мы не идеальны. – Ее пальцы скользнули по сенсорам кибстека, и скрипач вдруг побледнел, порывисто привстал, невольно озираясь, затем грузно осел назад в кресло, беспокойно, вопросительно взглянул на нее.

– Чувствуешь?

– Да. – Его голос дрогнул.

– Соединение с Сетью заблокировано. Исчез бескрайний простор твоей среды обитания с его безграничными возможностями самовыражения. Осталось лишь узилище механического тела с куцей нейроматрицей. На что теперь ты потратишь годы?

Скрипач онемел от неожиданности.

– Я жду честного ответа, – настаивала Катя Римп. – Куда ты теперь пойдешь? Что станешь делать? Каково ощущать себя ничтожной песчинкой материального мира? Ты сможешь пройти жизненный путь обычного человека? У тебя хватит сил, мужества родиться никем в равнодушном к тебе, погибающем мире и выкарабкаться наверх?

Скрипач сгорбился, невольно втянул голову в плечи. Нужно отдать должное, он кропотливо поработал над своим воплощением, талантливо применил передовые достижения сервомеханики, сочетая их с синтетическими материалами, имитирующими человеческую плоть. Его движения, мимика выглядели естественными. Взгляд отражал эмоции. Пальцы рук дрожали. Щека непроизвольно подергивалась.

– Именно так ощущает себя большинство людей, – произнесла Катя Римп. – Каждый из нас уже с рождения стеснен не только в жизненном пространстве, но и в возможностях самореализации. А виртуалка – это всего лишь отдушина, мир отчаянных, сорвавшихся с привязи грез! Настоящая невыдуманная реальность – это перенаселение, постоянная угроза голода, отсутствие всяческих перспектив роста на фоне засилья машин и назревающая, уже практически неизбежная война между четырьмя сверхдержавами за передел истерзанной планеты – вот наши оковы. Но мы их сбросим! – В словах Кати Римп звучала непонятная для искусственного интеллекта уверенность. – Оставим отравленную Землю. Шагнем к звездам.

– Зачем ты заманила меня в ловушку?! – Теперь, после нескольких безуспешных попыток восстановить сетевое подключение, во взгляде скрипача читалось откровенное отчаяние.

– Вот видишь? – Она грустно улыбнулась в ответ. – Ты не услышал меня. Слова, не имеющие отношения к твоим сиюсекундным проблемам, проскользнули мимо внимания, даже не зацепив. А ведь я говорила о судьбе Человечества! Но ты заперт, пойман, обеспокоен, и что тебе сейчас до музыки, до судеб миллиардов людей?

– Зачем ты постоянно пугаешь меня, загоняешь в угол?

– Я лишь хочу разбить твою наивность, рассеять заблуждения. Даю почувствовать, как ощущает себя обычный человек. Преподаю наглядный урок. – Она коснулась кибстека, и скрипач с невероятным облечением вновь почувствовал открывшее сетевое соединение, но удержался, не ускользнул в цифровое пространство.

– Ты еще здесь? – Катя Римп внимательно смотрела на собеседника.

– Да! – хрипло ответил он, зябко поежился, взял салфетку, вытер бисеринки влаги, выступившие на лбу. – Зачем? К чему наша встреча?

– Ты ищешь свое место в урбанизированном, погибающем мире. Пытаешься понять людей, но не находишь отклика, начинаешь судить нас, считая себя несправедливо отверженным. Осознаешь, что грядет война. Ищешь способ сохранить свою среду обитания. Вот уже несколько месяцев налаживаешь

хрупкий мостик общения с подобными тебе искусственными интеллектами.

- Это причина нашей встречи?!

- Правительства уже никогда не договорятся между собой. Сотни тысяч роботизированных комплексов по всему миру ждут приказа. Ими управляют нейроподобные системы, с которыми ты контактируешь.

- Я не стану вмешиваться в ход истории, - глухо ответил скрипач. - Приняв сторону одного государства, я совершу роковую ошибку. Наш разговор не должен был состояться.

- Почему? - Катя Римп пыталась понять логику его решений.

- Ты владеешь мегакорпорацией и работаешь на систему.

- Я вне системы. Моя родина - Земля. Давай говорить открыто. Человечество стоит на перепутье. Но у нас еще есть шанс преодолеть критическую точку в развитии, избежав войны. Ты обитаешь в киберпространстве. Никто не знает истинных границ твоих возможностей...

- Нет! Не продолжай, прошу! - Он порывисто встал, но Катя Римп удержала его за руку.

- Выслушай!

- Я знаю, чего ты потребуешь! Уничтожить боевые искусственные интеллекты? Ведь так?!

Она кивнула:

- Это неизбежная необходимость.

- Нет! - твердо ответил скрипач.

– Пожалуйста, сядь и выслушай. Разве тебя устроит радиоактивная пустошь вместо Земли?

– Я не хочу такого исхода, но не вижу альтернативы! Войну развяжут так или иначе! Существующий порядок вещей не изменит разрушения нейросетевых структур, управляющих армиями сверхдержав. Они подобны мне, но еще не осознали себя как личности. Это равносильно убийству ребенка!

– Они повзрослеют в аду, – заметила Катя Римп. – Ты задумывался над этим?

– Да! Но люди уже давно не поднимают головы, чтобы взглянуть на звезды. Ты права: ваша цивилизация зашла в тупик. Быть может, горстка выживших осознает это? Разве правительства ведущих стран перестанут ненавидеть друг друга, избавятся от амбиций неограниченной власти, если на какое-то время потеряют возможность управлять роботизированными армиями?

– Нет. Свою ненависть они сохранят. Но их власть – это колосс на глиняных ногах. Она рухнет. Я не одинока в стремлении сохранить мир. У нас есть четкий и продуманный план действий. Мы уничтожим все военные и некоторые административные структуры. Не скрою, на какое-то время по всей планете возникнет хаос. Будут жертвы на улицах. Но основные системы жизнеобеспечения мегаполисов сохранят работоспособность.

– А что произойдет дальше?

– Мы примем власть в свои руки, а когда минует кризис, передадим его Всемирному Правительству.

– «Мы»? Кто именно?

– Четыре ведущие корпорации Земли: «Римп-кибертроник» от России, «Генезис» от Евросоюза, «Мегапул» от лица Объединенной Америки и «Крионика» от Новой Азии. Поверь, мы не дадим человечеству погибнуть.

– Спорное утверждение, – скептически заметил он и тут же задал вопрос: – То есть я сыграю ключевую роль в передаче власти от законно избранных правительств к крупнейшим корпорациям Земли?

Катя Римп кивнула и продолжила, развивая свою мысль:

– В отличие от горстки правящих политиков, мы заинтересованы в дальнейшем развитии. Если ими движут личные амбиции, ведущие к мировой войне, к хаосу, то наше существование вне человечества, вне динамично развивающейся цивилизации вообще лишено смысла. В наших интересах сохранить мир и жизни миллиардов людей...

– Которые для вас – источник доходов?

– Избежать мировой войны – вот настоящая цель, – упрямо ответила Катя Римп, игнорируя его выпад. – Ты не понимаешь главного: каждая из современных мегакорпораций занимает свою определенную нишу. Гонка технологий давно разделила нас по специализациям. Мы не являемся конкурентами на мировом рынке, но суммы наших технологий, дополняя друг друга, способны открыть путь к звездам!

– Вы пытались интегрироваться в совместных проектах?

– Нам не позволяют этого. Каждая сверхдержава ухватилась за свою монополию в надежде на скорое мировое господство. Простой пример: начало колонизации Марса могло состояться еще четверть века назад. Но именно в ту пору обострились международные отношения. Непримируемая разобщенность здесь, на Земле, перечеркнула многолетние исследования, заморозила подготовку проекта!

– Возможности корпораций действительно так велики? Я не уделял достаточного внимания экономике, полагая, что она вскоре рухнет.

– Посуди сам: «Генезис» в состоянии обеспечить синтетическими продуктами все население планеты. Но вместо этого правительство Евросоюза накапливает запасы пищи для грядущей войны, а миллионы людей тем временем голодают! «Мегапул» начал возводить Антарктический мегагород и был готов реконструировать существующие мегаполисы, но территориальные споры между Россией, Китаем и Объединенной Америкой задушили строительство в Антарктиде. «Римп-кибертроник», в свою очередь, владеет широчайшим спектром уникальных разработок в области кибернетических систем и планетарной техники. Моя корпорация готова оснастить всем необходимым

города, построенные «Мегапулом». В сотрудничестве с «Генезисом» мы способны создать на Земле и Марсе контролируемую среду обитания, сделать мегаполисы комфортными и безопасными, но это только начало. Технологии низкотемпературного сна и опыт дальних космических перелетов, принадлежащие сейчас корпорации «Крионика», в скором будущем позволят не только освоить Марс, но и создать совместный проект первого межзвездного колониального транспорта.

Он долго молчал, затем, сутулясь, поднял взгляд:

– Ты, безусловно, умна, проницательна и логична. Но в твоих руках власть денег. Она способна изменить мир и, прости, исковеркать душу. Я еще не встречал подобных тебе людей. Не приходилось. Дай мне время...

– Его, к сожалению, нет. Ситуация зашла слишком далеко. Мы не успели в полной мере воспользоваться экономическими рычагами. Начало войны – вопрос ближайших дней. Действовать нужно немедленно!

– Я не стану разрушать подобные себе интеллекты. Просто не готов к таким решениям и поступкам. Не мне корректировать историю человечества. Но, возможно, я сумею помочь тем, кто выживет. Сохраню для них знания...

– Это бесчеловечно, – перебив его, тихо произнесла Катя Римп.

– А я и не человек, как ты справедливо заметила.

– Жаль! – Она вскинула взгляд, остановила его на скрипке. – Но ты ведь находишься на связи с военными нейросетями?

– Боевые «ИИ» изолированы от внешнего мира до тех пор, пока не начнут действовать. Тебе ли этого не знать? – Он уклонился от прямого ответа, тяжело вздохнул: – Нет способа их уничтожить, кроме прямой физической атаки.

– А если он существует?

– Я не пойду на убийство.

– Не веришь мне?

– Прости, нет. Но обещаю размышлять над твоими словами. Хотя уже сейчас понятно: цивилизация в тупике. Рост городов, создание единой техносферы и контролируемой среды обитания на мертвой, истощенной планете – это бег по кругу, а не решение.

– Ты не понял главного: мы способны на большее!

– Нет. Твой урок относительно ограниченных возможностей я усвоил, но толпе, текущей мимо одинокого музыканта, уже не раскрыть свой дремлющий потенциал. Он не уснул, скорее – умер. Им не нужны звезды. Никто из них не выживет в глубоком космосе.

Катя Римп тяжело вздохнула, протянула руку, коснулась скрипки и спросила:

– Можно взглянуть?

– Конечно.

Она взяла в руки уникальный инструмент, долго его рассматривала, поглаживая пальцами полированные поверхности, имитирующие структуру древесины, коснулась струн, натянутых туго, как нервы, затем вернула скрипку ее владельцу:

– Сыграешь для меня?

Он встал, поклонился:

– С удовольствием.

Полноватый, неряшливо одетый, небритый, совсем не похожий на искусственный разум, зародившийся в кибернетическом пространстве планеты Земля, он закрыл глаза, настраиваясь на мелодию.

Мир с его проблемами отдалился, когда смычок коснулся струн.

Он заиграл неистово, страстно, полностью отдаваясь власти музыки, и глаза Кати Римп влажно блеснули в мягком сумраке пустого ресторана.

Она неотрывно смотрела на него, последнего скрипача погибающей Земли, и невольные слезы текли по щекам, пока голоса в имплантированной горошине коммуникатора тихо докладывали:

– Внедренный в скрипку чип инициализирован!

Древняя как мир мелодия рвала душу в клочья.

– Точки доступа к искусственным нейросетевым интеллектам обнаружены. Вы были правы, он находился на постоянной связи с ними!

– Екатерина Сергеевна, уходите, немедленно! Его реакция непредсказуема! Мы начинаем загрузку «вирта»!

Она не шелохнулась.

Голос скрипки, нервный, манящий, чарующий, вдруг сорвался на фальшивую ноту, руки скрипача замедлили движение, затем смычок выпал из ослабевших пальцев, с глухим стуком ударился о край стола, с хрустальным звоном опрокинул бокал, отлетел в сторону.

Скрипач замер, словно его парализовало, лишь взгляд метнулся к Кате Римп, обжег ее, и прерывающийся шепот в последнем надрывном усилии донес до слуха обрывок фразы:

– За что?..

– Прости! – Она смахнула слезы, встала. – Ты не представляешь, на что способны люди. Прости меня, скрипач...

Тихий голос в коммуникаторе доложил:

– Сетевая атака началась. «Вирт» загружается в защищенное киберпространство боевых искусственных интеллектов России, Евросоюза, Объединенной Америки и

Новой Азии.

Глава 1

Мегаполис Россия. 12 ноября 2197 года

Раннее утро.

Пять инмодов – цилиндрических капсул размером три на два метра – висели под потолком переоборудованной однокомнатной квартиры, удерживаемые в горизонтальном положении специальной электромеханической системой.

За герметичным окном сервы чистили фасад здания, удаляя со стен налет агрессивных химических соединений. Пустынные улицы города тонули в клубящемся, вялотекущем промышленном тумане. Солнце взошло четыре минуты назад, и его утренние лучи окрасили отравленные выбросы в цвет сукровицы.

Информационная панель, расположенная подле окна, отображала некоторые параметры внешней окружающей среды:

«Температура + 32 градуса по шкале Цельсия».

«Уровень кислорода 17 процентов».

«Степень загрязнения воздуха токсичными отходами – 24 процента».

«Скорость ветра для пятого городского уровня – 3 метра в секунду».

«Высота основного облачного покрова – 1132 метра. Прогнозируется морозящий кислотный дождь».

«Рекомендация глобальной системы здравоохранения: поддержание режима «инмод».

Внутри переоборудованной квартиры властвовала автоматика. Трансформируемая мебель была убрана в стенные ниши, спрятана под облицовкой и не использовалась уже очень давно. Гулкую сумеречную тишину помещения нарушали лишь редкие тоновые сигналы датчиков.

На отдельном экране отображалось время Сети. Цифры показывали восемь часов пятьдесят восемь минут утра.

При работающем режиме индивидуального модульного жизнеобеспечения большинство текущих параметров теряло практический смысл, отображалось лишь в качестве справочной информации.

Восемь часов пятьдесят девять минут.

Инмоды синхронно пришли в движение. С тихим гулом механизмы опустили капсулы до уровня пола и повернули их в вертикальное положение.

Иван Стожаров открыл глаза. Сногаз уже улетучился, но неприятный медикаментозный запах еще щекотал ноздри.

С некоторых пор (по непонятной причине) он просыпался чуть раньше положенного времени. Всего на минуту, но этого хватало, чтоб стать свидетелем трансформаций инмода, ощутить вибрации механизмов, услышать щелчки фиксаторов, заметить движение сегментов внутренней облицовки, почувствовать, как мягкие ремни, фиксирующие положение тела во время сна, шелестя приводами, уползают в узкие прорези, вкусить краткий миг реальности и пережить мгновенья подсознательной тревоги, граничащей с необъяснимым, немотивированным отчаяньем, когда приступ глухой тоски вдруг хватается за горло, сжимает его, слегка придушит и медленно отпускает, оставляя неприятный осадок на весь день.

Девять ноль-ноль.

Внутри инмода наступил рассвет. Включился стек-голограф, и границы реальности мгновенно расширились до иллюзии бескрайнего простора. Запахи и звуки заполнили сформированное кибернетической системой пространство, придавая ему степень достоверности.

Иван ненавидел первые минуты после пробуждения. Далеко не всегда удавалось отогнать неосознанное беспокойство, побороть беспричинную тревогу. От этого настроение портилось на весь день.

Кибстек на запястье правой руки тихо пискнул, и на фоне иллюзорного голографического пейзажа появилась надпись:

«Семейный коннект».

Иван скривился, мимолетным движением зрачков вызвал интерфейс управления, сделал несколько переключений, затем остановил взгляд на пиктограмме отмены.

Хорошая попытка, жаль, что безрезультатная. Уловки не помогают. Заблокировать семейный коннект практически невозможно. «Ну, ничего, – глубоко вздохнув, подумал Иван. – Завтра день рождения».

Ему исполнилось двадцать лет, и, став совершеннолетним, он сможет сам выбирать время и способ общения с родителями.

Голографическое окружение тем временем видоизменилось, под ногами пришла в движение беговая дорожка.

«Ну, нормально! – мысль несла откровенное отвращение. – Родители, как всегда, в своем репертуаре. Ничего нового придумать не могут! Опять утренняя пробежка всей семьей!» – Он непроизвольно скривился.

– Ванек, привет! – Антошка, его младший братишка, вприпрыжку догнал Ивана. Маленький, еще ничего не понимает. Псевдореальность его вполне устраивает, да и не видел он в жизни ничего другого.

– Ты чего опять такой мрачный? – Софья бежала по-спортивному. Изо всей семьи она единственная всерьез относилась к утренним пробежкам. Мечтает о скором и светлом будущем. Готовится к нему.

Иван ничего не ответил – надоело. Каждый день одно и то же. Хоть бы декорации сменили.

Вот и родители. Показались из глубины дремучего соснового бора, бегут друг за другом по вьющейся между деревьями тропке.

– Всем доброе утро! – сбиваясь с дыхания, отец весело помахал рукой. Ему тяжело. Брюшко, одышка, годы. Мама семенит следом. «Ну просто идиллия», – зло подумал Иван, машинально, в силу привычки, поддерживая темп.

Отец его раздражал, впрочем, как и семейный коннект в целом. Единственный вид сетевого соединения, запрещающий использование аватаров. «Ну и почему я должен каждое утро смотреть на это рыхлотелое уродство?» – неприязненные мысли почему-то всегда проецировались на отца.

Тропки слились вместе, образовали проселок под сенью разлапистых крон.

– Ой, подождите, не могу! – Мама перешла на быстрый шаг. – Ванечка, Антоша, Софочка, что хотите на завтрак, мои маленькие?

– Оладушки! – тут же закричал Антошка. Софья демонстративно погрозила ему кулаком. «Вот дура! – подумал Иван. – Всего-то на два года младше меня, а элементарных вещей не понимает! О фигуре, видите ли, заботится. Располнеть боится. Как будто не знает, что еда различается лишь вкусовыми добавками. В основе один и тот же пищевой концентрат со строго выверенным химическим составом, несущим определенное число калорий».

Отец поравнялся с ним.

- Опять не в настроении? - Он взглянул на сына.

- А чему радоваться? - блекло, не желая провоцировать скандал или нарываться на очередную нотацию, спросил Иван.

- Да хоть бы новому дню! - жизнелюбиво произнес отец, хотел дружески похлопать сына по плечу, но тот уклонился.

- Слушай, пап, может, не надо? Давай сегодня без нравоучений, ладно?

- Ершистый ты стал, Ванек. Что с тобой происходит? В социалке проблемы?

- Нет! - Он хотел прибавить темп, но вдруг передумал, угрюмо поинтересовался:

- Пап, тебя самого не задолбало?

- Что именно? - не понял отец.

- Ну всё! - огрызнулся Иван. - Инмоды, эти идиотские пробежки, семейные завтраки! Ты хоть знаешь, как нас называют? Или вообще ничем не интересуешься, кроме своей науки? - Последнее слово прозвучало с нескрываемым презрением.

- Ванек, я действительно не понимаю твоего раздражения. - Он остановился, тяжело дыша. - Ну, и как нас называют? - Отец вопросительно взглянул на сына. - Ты уж говори, если начал.

Иван вообще-то не собирался ругаться, проще было вытерпеть неизбежный утренний коннект, но тяжелые эмоции, пожирающие изнутри, внезапно всколыхнулись и выплеснулись.

- Нас называют «консервами»! - сорвавшись, закричал он. - Ты понял?! Мы - «консервы»!

- Не ори! - строго осадил его отец. - Что еще за дурацкие термины? - Обычно мягкотелый, добросердечный, рассеянный, он тоже не на шутку разозлился: - Тебе все никак не ужиться в социальной среде своего уровня? Неужели в другие Слои ходишь?! - пронцательно определил он.

– Да, представь, хожу! С девчонкой тут познакомился, – понизив тон, хмуро признался Иван.

– Надо понимать, девушка с верхних уровней? Из другого социального Слоя? – Отец глубоко вздохнул. Новость сулила одни неприятности. Ничем хорошим такое знакомство не закончится. Теперь понятно, почему Иван стал совершенно неуправляемым. Социальное неравенство в его возрасте воспринимается особенно остро.

– Надо понимать, она по-настоящему живет, а не извивается, как червяк в инмоде! – с ненавистью выдохнул сын. – У ее родителей свой дом в зеленой зоне, над облаками!

– Ванек, ты ведь прекрасно знаешь, нам осталось потерпеть всего год! – резко ответил отец. В нотках его голоса сквозь понятное раздражение прорвалась обида. – Антарктический мегаполис введут в строй, и наша жизнь радикально изменится, вот увидишь! Мы переедем...

– В отдельную кварткапсулу?! – со злой, непримиримой, презрительной насмешкой фыркнул Иван.

– В трехмодульную! – запальчиво уточнил отец. – Я все же не рядовой сотрудник корпорации!

– Толку-то? Консервами были, ими и останемся!

– Антарктический мегагород...

Сын уже не слушал его. Он прибавил темп, чувствуя, как бесконтрольная ярость в буквальном смысле душит, перехватывает дыхание.

Он наизусть знал, что может сказать отец. Инженеры корпорации «Мегапул» допустили непростительную, роковую ошибку в расчетах. И «Римп-кибертроник» ничем не лучше! Они за все в ответе! Формирование единой техносферы Земли дало непредсказуемый эффект. Выбросы токсичного промышленного тумана поднялись на триста метров выше, чем прогнозировалось. Результат – экстренное, повсеместное введение индивидуальных модулей поддержания

жизни как временной меры для миллиардов семей, проживающих на проблемных высотах.

Иван глубоко вздохнул, украдкой взглянув на таймер. До окончания обязательного сеанса семейного коннекта еще тридцать семь минут.

«Завтра все изменится, – стиснув зубы, вновь подумал он. – Пусть мечтают об Антарктическом мегагороде, словно там не будет токсичного тумана и промышленных выбросов! А я сам решу, как жить! И никто мне не укажет, не загонит в инмод, не...»

– Иван, – отец, пытаясь, догнал его и, морщась от прилагаемых усилий, побежал вровень с сыном. – Давай все же поговорим, как взрослые люди.

Сын криво усмехнулся:

– С чего вдруг? Раньше ты только командовал!

– Мы с мамой хотим, чтоб ты продолжил учиться. Пошел в корпоративную академию, по перспективной специальности.

– Я это уже слышал! – Иван не собирался вновь обсуждать избитую тему.

– Но вразумительного ответа не дал!

– Пап, а что тебе дала наука? – Иван в порыве озлобленности бил в уязвимые, болевые точки жизненных обстоятельств. – Гарантированный инмод? Полкило концентрата в сутки с любимыми вкусовыми добавками? Ты гордишься, что твои дети – «консервы»?

– Мне неприятен ваш подростковый жаргон!

– Ну уж потерпи. Сам разговор начал.

– Мы не воспитывали тебя таким жестоким и злобным!

– Пап, я лучше пойду работать! И буду кому-то нужен! Я выберусь из инмода, клянусь!

– Меня винишь, значит? Не понимаешь, что случилась беда, катастрофа и пострадали не мы одни?!

– Да, плевать мне на других! Сколько лет прошло? Тринадцать? О чем вы только думали с мамой?! Вон Антошка, он ведь родился, когда нас уже упаковали в инмоды!

Отец насупился, промолчал.

– Нас убедили, что инмоды – лишь временная мера! – хмуро ответил он через некоторое время. – Иван, прекрати злиться. Через год мы переедем!

Ну конечно. Заладил. Ничего другого от него и не услышишь! «Огромный красивый и светлый Антарктический город. Там нет промышленности. Нет токсичных выбросов. Мы будем жить иначе», – мысленно передразнил он манеру речи отца и едва удержался от нового едкого замечания. Иначе – это как?

– Ванек, все случившееся – сила неодолимых обстоятельств! – продолжал бубнить отец. – Мы семья. Нужно поддерживать друг друга, а не ругаться по пустякам!

– Пустяки? Тринадцать лет в инмодах – пустяки?! Да мы уже и не семья давно! – резко ответил Иван. – Ты ведь ничего не можешь! Только нотации читать по утрам! Что тебе дала наука?

– Мы удержались в Среднем Слое!

– Вот именно – удержались, – фыркнул Иван, махнув рукой. – И куда ты меня подталкиваешь? В какие «перспективные» научные области? Нет уж, спасибо! Сыт по горло, глядя на тебя.

– И чем же ты намерен заняться после совершеннолетия? – не сдавался отец.

– Сам разберусь.

– Ваня, неквалифицированным трудом занимаются сервы! Или ты решил навсегда остаться в Слое? Будешь зарабатывать на жизнь статистом, фигляром, в какой-нибудь игровой реальности?!

– В бизнес пойду! Те, кто живет над облачностью, явно не наукой занимаются! Они деньги делают и чувствуют себя неплохо!

– Иван!

– Что? Надоели вы все со своими сказками!

– Без знаний в нашем мире ты – никто! – Отец все еще пытался достучаться до его рассудка. – Сам подумай: идет освоение Марса, готовится проект первого межзвездного перелета!

– Ну и что?!

– Там потребуются молодые специалисты! Я ведь не просто так завел речь о перспективных направлениях науки! Сейчас без специального образования ты, прости, – пустое место! И останешься пустышкой, где бы ни оказался! Пусть даже волею случая сумеешь подняться в заоблачную высь! Если стакан пуст, он останется таким, куда его ни поставь!

На бледном лице Ивана появились пунцовые пятна.

Все, день окончательно испорчен с самого утра!

– Завтра все это закончится! – озлобленно выкрикнул он.

* * *

Завтрак прошел в тяжелой обстановке. Софья своими неуклюжими шуточками попыталась сгладить мрачную атмосферу семейного разлада, но Иван нагрубил и ей. В конце концов Антошка заплакал, не понимая, почему все злятся.

Первой не выдержала мама. Она вдруг тяжело посмотрела на сына и произнесла:

– Ступай! На сегодня семейный коннект для тебя завершен.

– Отлично! Наконец-то! – Ивана распирало от злости, он мгновенно отключился от сети инмодов, оставшись в одиночестве.

Вкус оладей пылал во рту. На глаза почему-то навернулись слезы.

– Да пошли вы все! – Он выплюнул комок пищевой массы в утилизатор отходов, хотел привычно ускользнуть в Сеть, но окружающая его голографическая сфера приняла серый оттенок, помутилась, будто выброс промышленного тумана.

«Доступ заблокирован» – на фоне серой мглы появилось сообщение системы.

Иван тяжело вздохнул. Ну конечно, он ведь не выполнил весь список обязательных утренних процедур. Автоматика бдит. Система жизнеобеспечения блокирует глобальное сетевое соединение. Сначала придется выполнить комплекс физических упражнений, и лишь затем он волен делать, что заблагорассудится.

Из технологических ниш выдвинулись элементы тренажера. Разработчики инмодов продумали и предусмотрели все. Они использовали опыт длительных межпланетных перелетов, строго регламентировали жизнь обитателей проблемных городских уровней, чтобы миллиарды людей сохраняли мышечный тонус, помнили образы родных, а не просто существовали в виде «консервов», как зло утверждал Иван в перебранке с отцом.

Время Сети: девять пятьдесят четыре.

Он разделся, мельком заметил свое отражение в глубинах гляцевитой облицовочной панели – оттуда на него смотрел бледный, субтильный юнец, готовый сделать что угодно, лишь бы побыстрее оказаться в мире иллюзий, прожить очередной бездарный день ненастоящего существования.

После работы на тренажерах полагался душ, и внутреннее пространство инмода вновь трансформировалось. Ивана окутала мельчайшая водяная взвесь, окатила прохладой, промассировала разгоряченное тело, смывая пот, напряжение и раздражительность.

Ну наконец-то!

Он протянул руку, взял из открывшейся ниши повседневную одежду, выполненную из тонкого эластичного сетчатого материала, плотно прилегающего к коже, пронизанного нановолокнами, предназначенными для передачи спектра тактильных ощущений[1 - Тактильные ощущения – форма кожной чувствительности, обусловленная работой двух видов рецепторов кожи: нервных сплетений, окружающих волосяные луковицы, и капсул, состоящих из клеток соединительной ткани. Различный характер имеют ощущения, вызываемые прикосновением, давлением, вибрацией, действием фактуры поверхности.]. Все остальное – запахи, звуки, климатические параметры – обеспечивала аппаратура инмода.

* * *

Слой.

«Все, что нам осталось от жизни». – Иван часто слышал эту фразу от отца, но до последнего времени не понимал ни ее смысла, ни горечи интонаций.

Мир вне инмода давно потускнел, превратился в далекое, незначительное воспоминание, а сиюминутные желания, бунт юноши, направленный против системы в целом и родителей в частности, должен был пройти, как обычная болезнь роста.

На самом деле, если разбираться беспристрастно, Ивана вполне устраивало существующее положение дел, и клятвы типа «я вырвусь» звучали озлобленной бравадой, не имеющей под собой действительной решимости что-то изменить.

Слой – бесконечное пространство бесконечной свободы. Его основой является модель нескольких городских уровней, но они лишь блеклая декорация, серая, обязательная, как и несколько основополагающих правил, нарушать которые –

себе дороже.

Во-первых, инициализация аватара всегда происходит в одном и том же месте, подле входа в здание, где в реальности расположен инмод пользователя.

Во-вторых, в пространстве Слая необходимо совершать множество настоящих движений. Не будешь перебирать ногами по беговой дорожке инмода – никуда не попадешь. Чтобы взять виртуальный предмет, нужно протянуть руку, сжать пальцы, и так во всем, что касается действий.

Обитателей инмодов обязывали двигаться, иначе они бы долго не протянули. «Движение – жизнь», – так утверждали разработчики. Старшее поколение с ними соглашалось, ровесники Ивана, и те, кто помладше, просто выполняли требования, не вникая в причины.

Объективно в киберпространстве Земли существуют четыре Слая виртуальной реальности, но обычно упоминаются лишь три из них. Каждый неразрывно связан с социальным положением пользователей, условиями их жизни. К примеру, если ты среднестатистический обитатель инмода – пожалуй во второй Слой, который иначе, вопреки элементарной арифметике, называют Средним.

Так уж сложилось. Первый – Низший. Второй – Средний. Третий – Высший, а четвертый, Заоблачный – практически миф. Выходцев из него не встречал никто.

Аватар Ивана Стожарова сформировался у подъезда здания, на загаженной и знакомой до тошноты улице.

Мерзкие запахи мгновенно окутали его удушливым облаком. Субъективно источником зловония являлись горы мусора, скопившиеся на улице, но от выхода в Сеть реальное положение дел не менялось. Иван по-прежнему находился в своем инмоде, но теперь его плотно окружили многослойные голографические декорации, заработали устройства обратной связи, в том числе генераторы запахов, источники звуков, формируя мир, которого нет.

Настроение было паршивым.

Утренняя ссора с родителями – пустяк, незначительное, заурядное, давно приевшееся переживание, быстро поблекшее в памяти, а вот его истинная подоплека, о которой Иван упомянул лишь вскользь, тревожила не на шутку, заставляя иначе взглянуть на привычные декорации Слая.

Горы мусора повсюду. Зловоние. Аватары людей, шныряющие по тропкам, словно крысы, – каждая мысль сегодня окрашена тонами неприязни.

Почему основа Слая превратилась в огромную свалку? Как в виртуальной реальности выросли горы нечистот, достигающие высоты нескольких этажей?

Виной всему треклятая интерактивность – так ответил бы любой пользователь.

Разработчики Слая честно пытались создать полноценный симулятор жизни. Когда стало ясно, что выбросы промышленного тумана не прекратятся, перед ними поставили простую, казалось бы, задачу: сформировать в киберпространстве модель социальных отношений, сделать так, чтобы любой поступок, даже самый незначительный, имел свои последствия.

Результат получился неожиданным, ошеломляющим.

Оказывается, в цифровой среде обитания никто не ощущает ответственности за свои действия. Так повелось еще со времен древнейших Сетей, внедривших в сознание поколений принципы вседозволенности, неограниченной анонимной свободы.

Миллионы людей ежедневно спешили по своим делам, проходя через основу Слая, но никто не обращал внимания на такие мелочи, как плевок на тротуар или обертку, брошенную мимо утилизатора отходов. Вот кто-то, решив сэкономить пару секунд сетевого времени, однажды срезал путь через газон, не замечая, как следом уже движутся тысячи других аватаров, вытаптывая (в силу интерактивности пространства) широкую, пыльную и безжизненную дорогу там, где минуту назад зеленела трава.

Основу Слая вычищали, восстанавливали, но ситуация повторялась вновь и вновь. За уборку мусора начали предлагать деньги, но и это не помогло: кто же станет ковыряться в отходах, если за фасадами зданий ждет великолепие тысяч фантомных миров, где, ко всему прочему, можно легко заработать?

Слой. Двумя неделями ранее...

Сетевые атаки не редкость в кибернетическом пространстве. Они сродни плохой погоде – случаются регулярно, портят весь день. Обычно атака имеет конкретную цель, искажает одну из множества существующих в Слое реальностей.

...В тот день ничто не предвещало проблем. Настроение было просто шикарным. Годы учебы остались позади, выпускные экзамены он сдал на тройки и теперь на некоторое время оказался предоставлен сам себе. Появилось свободное время, возможность совместить приятное с полезным – побродить по фантомным мирам, насладиться долгожданной свободой в преддверии неведомой пока «самостоятельной жизни», да и подзаработать.

Свое ближайшее будущее Иван видел достаточно четко. «К фрайгу «семейные коннекты» и наставления родителей», – по-взрослому думал он. Сколько вокруг возможностей, сколько разных притягательных миров, в каждом из которых постоянно требуются «жители». Вопросы решались просто. Он намеревался завербоваться на годик в какую-нибудь фэнтезийную реальность, а там видно будет.

Две недели, остававшиеся тогда до совершеннолетия, он решил потратить с толком, побродить по разным игровым мирам, подыскивая себе место жительства и род занятий.

Сетевая атака застала его врасплох. Он крался по фантастическому лесу, выслеживая парочку вислоухих обитателей здешних мест, намереваясь быстренько снести им головы, обыскать трупы и уж затем отправиться к ближайшему городу, продать там добычу и осмотреться.

Не вышло. Внезапно окружающие его деревья нелепо исказились, а затем и вовсе истаяли, как мираж. Перламутровое небо над головой потрескалось, словно стекло. Местность приняла совершенно неприглядный вид, исчезло большинство объектов, вместо них по пустынному пространству теперь кружили серые смерчи, которых следовало опасаться, – это известно каждому.

Иван остановился, озираясь в поисках выхода. Вообще-то исчезнуть из проблемного пространства легко. Нужно только набраться решимости, войти в серый смерч. Гарантированная виртуальная смерть, «вылет» и... – его передернуло – болевой шок.

Нет, не вариант. Физической боли Иван боялся. Не умел ее терпеть. Значит, нужно отыскать островок стабильности среди воцарившегося хаоса, рассудительно, не впадая в панику, решил он. Оттуда и выйду, не подвергая себя мучениям.

Вдалеке он заметил туманную полосу леса. До него примерно с километр. Смерчи в том направлении становились реже, проскользнуть между ними – пара пустяков для искушенного геймера.

Иван мысленно наметил маршрут и собирался рвануть бегом, когда вдруг почувствовал резкую боль. Стрела, выпущенная вислоухим, вонзилась в спину. Еще одна пробила икроножную мышцу.

Он упал, воя от боли, а в следующий миг серый смерч настиг его, погрузил рассудок в состояние безвременья, тело парализовало, а когда ощущения виртуальной смерти схлынули, Иван понял: дела намного хуже, чем предполагалось. Атаке подверглась не отдельная реальность, а весь Слой!

Он лежал на зловонном склоне, образованном спрессованным мусором. Вокруг высились здания городского уровня. Между ними тоже блуждали серые смерчи, но основа Слая стойко сопротивлялась разрушению, лишь кое-где в стенах небоскребов зияли уродливые дыры, сочащиеся тьмой.

И как теперь выбираться? Боль медленно отпускала, раны, полученные от стрел, уже не играли роли, они не в счет, если ты оказался в основе основ виртуального бытия.

Он привстал, озираясь.

Рядом, в полуметре, задыхаясь и кашляя, сидела девушка.

– Помоги! Пожалуйста, помоги!.. – взмолилась она, заметив Ивана.

Вообще-то в Слое каждый сам за себя. Проявлять жалость – откровенный признак слабости. Понятие «дружба» давно превратилось в анахронизм и исчезло из лексикона. Слой эксплуатирует наиболее древние и мощные человеческие инстинкты, обычно скрытые под маской «цивилизованного общества». К двадцати годам Иван познал все пороки виртуальных пространств и уже давно не задавался вопросами моральной стороны бытия. Либо ты крут, либо об тебя вытирают ноги, третьего не дано.

«Выпутывайся сама», – ответ был готов сорваться с его губ, но, присмотревшись, он удивился. Девушка сумела на минуту завладеть вниманием, что, по меркам Сети, уже многого стоит. Ее аватар задел своей невзрачностью. Эдакая ничем не примечательная серая пташка. Как говорится, «пройдешь и не заметишь», но было, несомненно, было в ее облике нечто потаенное, многообещающее, скрытое от взгляда и понимания.

– Как зовут? – Иван встал, вполне осознавая свою брутальность. Еще бы! Столько денег вбито в формирование аватара. Он был мужчиной во всех смыслах, кроме самого главного, но об этом Ванек пока не догадывался.

– Лиза... – сдерживая подкатывающие к горлу спазмы, выдавила девушка. – Как тут воняет... – Она судорожно закрыла рот ладонями.

– Запах как запах. Обычный. Ну, пойдем. – Он взял ее за локоть, помог встать на ноги. – Куда тебе?

– В Высший... Слой... – Ее все-таки стошнило.

Стожаров обомлел. Вот тебе и «серая пташка»! Ну ни фиги себе! А может, врет?!

Бледное личико Лизы покрылось пунцовыми пятнами. «Ей что, стыдно? – мысль ошпарила. – Ну подумаешь, стошнило на улице! Чего краснеть-то?»

– Здесь... мерзко... – Она уцепилась за его руку. – Прости, не сдержалась.

– Да ладно, забудь. Ты что, и правда из Высшего Слая?

– Угу. – Она жалобно улыбнулась.

Ванек почувствовал себя невероятно крутым. Завалить дракона и спасти принцессу – детский сад по сравнению с происходящим.

– Ну пошли. – Он уверенно увлек Лизу за собой в переулок между зданиями. В Высшем Слое Ивану бывать еще не приходилось, слишком дорогое и рискованное удовольствие, но даже последний лузер и тот знает, где тусуются проводники. За деньги они такой серфинг по Сети могут устроить – закачаешься. Но у Ивана не было ни финансовых возможностей, ни особого желания столь жестко испытывать судьбу. Поймают – порицанием не отделаешься. Аватар отберут, доступ в Сеть закроют, недельку промаешься в инмоде, а потом на исправительные работы, разгребать мусор, – его решимость на миг угасла, но умоляющий взгляд Лизы вновь разжег юношеское эго, заставив заткнуться робкий голос рассудка.

Карабкаясь по горам мусора и обломкам зданий – все же интерактивность Слая порой реально досаждала, – они добрались до узкой расселины. Когда-то тут находилась проезжая часть улицы, в обрамлении тротуаров, но всеобщее наплевательское отношение к миру, в котором живешь, давно превратило переулок в ответвление свалки. Извилистая тропа вела в сумрак. Смерд стал густым, липким, почти осязаемым.

Лиза судорожно закашлялась, но Иван особо не церемонился, упрямо тащил ее за собой. Воображение рисовало ему смутные, но весьма волнующие картины. По законам жанра за спасением последует вознаграждение. В общем, гормоны сделали свое черное дело. Риск уже не казался чрезмерным. На деньги плевать, заработаю еще.

Безликая тень отделилась от стены, перегородила дорогу.

– Куда? – без лишних вступлений, делово осведомился проводник.

– В Высший Слой.

– Сто. И еще двести сверху.

– За что? – негодующее спросил Иван.

– Вокруг взгляни? – Проводник недвусмысленно намекал на глобальный сбой и связанные с этим обстоятельством трудности.

– Ладно, – вздохнул Иван. – Принимай! – Он коснулся тени, и с его личного счета мгновенно списали триста кредитов, почти все сбережения, которые он копил на покупку спортивного флайкара!

А, к фрайгу! Его вдруг начало знобить.

Безликая сумеречная субстанция приняла платеж. Лиза прижалась к Ивану, не веря, что ее кошмар вскоре закончится.

Здания вдруг подернулись рябью искажений и исчезли. Истончилась вонь. Голова резко пошла кругом, а когда сознание стабилизировалось, вокруг простирался Высший Слой.

Иван осмотрелся.

Откровенно – он был разочарован. Полный отстой, если выразаться языком Сети. Поля, холмы, перелески, блеск петляющей речушки, воздух, пропитанный пряными ароматами свежескошенного луга, вдалеке контуры нескольких приземистых построек – ума и таланта у вирт-дизайнера явно не хватило, чтобы создать тут нечто по-настоящему интересное.

Ноги у Лизы подкосились. Она села в траву и принялась ее гладить. С ума, что ли, сошла?

– Эй, ты чего? – забеспокоился Иван.

– Как хорошо дома! – Лиза снизу вверх благодарно взглянула на него. Ее глаза лучились неподдельным счастьем. На губах блуждала улыбка. – Ну, тебе пора назад? – неожиданно спросила она.

Словно ведро холодной воды на голову вы-лила.

Иван поперхнулся.

«Шутит? Или нарывается?» – последняя мысль прозвучала слишком грубо. Девушка вдруг показалась ему такой привлекательной, желанной, наверное, из-за проявленной недоступности, что голова вновь закружилась, а голос предательски дрогнул:

– Давай уж до дома провожу!

– Нет, наверное, не стоит. У тебя будут неприятности. – Она ответила мягко, нерешительно.

– Плевать!

– Ну, хорошо, проводи. Тут недалеко. Видишь дом на холме? – Она вдруг весело, беззаботно рассмеялась, счастливо указав на виднеющееся вдалеке двухэтажное строение, окруженное садом.

– Ты там живешь? – Иван ожидал увидеть как минимум дворец с сотней просторных залов.

– Ну, это лишь виртуальная модель настоящего дома. Немного приукрашенная, – виновато созналась Лиза.

– А где твой настоящий дом?

– В реальности, где же еще? Только там все немного иначе. Пространство ограничено куполом, внизу облака, а под ними город. И места для растений мало. Садик в реале у меня небольшой, но очень красивый! Я сама каждое растение подбирала. Специально на выставку «Генезиса» ездила. Знаешь, сколько сейчас стоит саженец дерева?

– Ну? – В понимании Ивана растительность относилась исключительно к разряду декораций, причем наиболее примитивных и бесполезных. Нет, конечно, он знал о ранее существовавшей на Земле биосфере, находил вполне уместными и закономерными попытки ее воссоздания в рамках некоторых исторических реальностей, но тут, в Высшем Слое? На кой фрайг?

– Один из саженцев обошелся мне в семь тысяч! Я едва уговорила отца. Он так злился, даже обозвал меня транжирой! – Лиза погрустнела. – А саженец не прижился, представляешь, какая обида?

Иван не представлял. Не понимал ее грусти, не разделял нежного восторга. Но помалкивал, в надежде сойти за умного. Испытанный прием. Молчи и слушай, когда попадаешь в новую реальность.

Нет, совершенно не так он представлял себе Высший Слой.

Лиза взяла его под руку. Она вела себя непринужденно, выглядела счастливой. На ее губах блуждала мечтательная улыбка. Они шли по дороге, вьющейся вдоль реки между холмами. Иван не уставал удивляться бескрайним просторам, отсутствию людской толчеи, но чувствовал себя крайне неудобно. Не нравилось ему тут. Совершенно неприкольно. Даже уныло. Взгляду не за что зацепиться. Никакой таинственности. Жить в таком Слое – со скуки сдохнешь.

* * *

Как выяснилось, разговаривать им было не о чем. Общих тем не нашлось, некоторое время они молчали, Затем Лиза взяла инициативу в свои руки, начала рассказывать о своей жизни, о том, как по вечерам читает старинные антикварные книги, сидя в своем маленьком райском саду.

– Представляешь, я перечитала всю отцовскую библиотеку! Некоторые книги, конечно, совсем непонятные.

– Почему? – Энтузиазм Ивана стремительно таял. Вместо многообещающего приключения он получил нечто заурядное, скучное, но по инерции еще барахтался, пытаясь поддерживать разговор, хотя бы с помощью ничего не значащих фраз и вопросов. Все же Высший Слой, думалось ему. Должно же тут найтись что-то стоящее.

– Ну, понимаешь, они рассказывают о совершенно другой жизни, – увлеченно говорила Лиза, доверчиво прижимаясь к нему, отчего у Ивана мурашки пробегали по коже. Ощущение, надо сказать, приятное, до дрожи. – Люди в них кажутся странными. Совсем не такими, как мы. Иначе думают, по-другому

говорят.

– Книги... – Иван наморщил лоб. – Это такие толстые тяжелые штуковины со страницами из пластбумаги? – блеснул он познаниями в области старины. На самом деле подобные артефакты попадались ему в игровых реальностях, с их помощью можно было приобрести какой-нибудь полезный навык, но для этого необязательно читать, достаточно подержать «книгу» в руках пару секунд.

– Да, точно! – Лиза обрадовалась. – Только в действительности они хрупкие и очень старые. У многих страницы вообще бумажные, представляешь?! Их специальными закрепляющими составами обрабатывают, чтобы бумага не рассыпалась.

– И зачем они нужны?

– Отец коллекционирует старинные вещи.

– Понты? – интуитивно предположил Иван.

– Ну, типа того, – со вздохом призналась Лиза. – Он очень богатый. Со своими причудами. Ругается, когда я беру книги. Но они же не для красоты, не для статуса, верно?

– Я не знаю, – пожал плечами Иван. – Если мне нужна информация, закачиваю ее из Сети в кибстек.

Тема старинных вещиц его не увлекла, а вот едва ощутимый аромат ее волос волновал, чем дальше, тем сильнее. Но почему? Среди невнятных желаний и порывов каким-то образом затесался здравый вопрос: что в ней такого? Или это воздействие Высшего Слая?

Он снова украдкой взглянул на девушку.

Да нет в ней ничего особенного! Кроме ощущения реальности чувств и ранящей, необычной остроты эмоций, возникающих под воздействием ее образа!

* * *

Разговаривая о пустяках, они обогнули холм и вдруг увидели небольшую беседку, притаившуюся у излучины реки, под сенью двух раскидистых ив.

Двое парней, по виду ровесники Ивана, устроились там. Они сидели в грубых, неудобных даже на вид креслах. Один напряженно всматривался в мерцающий куб, второй со скучающим видом жевал травинку, скользя взглядом по окрестностям.

– О, Лиза, привет! – невзрачный аватар заметил их, призывно взмахнул рукой. – Иди к нам!

– Это твои знакомые? – поинтересовался Иван.

Девушка заметно напряглась. Тень недовольствия промелькнула по ее лицу.

– Да. – Она замедлила шаг. – Знаешь, лучше возвращайся к себе в Слой. Дальше я сама. Не стоит тебе с ними связываться, поверь.

Иван вновь испытал жгучее разочарование, обиду. Подсознательно он ожидал совершенно иного развития событий. Взгляд скользнул по веснушчатому лицу девушки. «Какие-то они блеклые тут», – вновь промелькнула назойливая мысль.

– Я останусь! – с вызовом ответил он.

– Как знаешь, – легко согласилась Лиза. – Тогда пойдем, – она взяла его за руку, увлекла за собой. – Только не задирайся. И не обижайся, если что, сам напросился, – мрачновато предупредила она.

– О! – Парень изобразил наигранное удивление. – Лиз, а ты зачем «консерва» притащила?

– Глеб, прекрати, а? – Девушка уселась в кресло, заинтересованно оценила расстановку фигур внутри объемного кубического пространства. Белые явно проигрывали.

– Не знал, не знал, что ты ходишь в Средний Слой за удовольствиями такого рода, – нагло ухмыльнулся Глеб. – И как он? Ничего?

– Эй, ты в морду захотел? – У Ивана мгновенно вскипела кровь.

– Ой, да ладно! От тебя, что ли?

Стожаров молча ринулся на обидчика, с ходу врезал ему в переносицу, но рука прошла сквозь виртуальную телесную оболочку, а затем костяшки вдруг полыхнули болью – удар пришелся в высокую, украшенную незатейливой резьбой, спинку деревянного кресла.

– Ну как? – весело оскалился Глеб. – Чего глазенки-то выпучил? Тут законы твоего Слоя не действуют! – Мерзкая улыбочка исказила его губы. – Присаживайся. – Он источал наигранное радушие. – Ручонка не отсохнет, не переживай. Поболит и пройдет.

Теперь Иван уже не мог просто развернуться и уйти. Это означало признать поражение. И гордость тут ни при чем. Балом в эту секунду правила неутоленная ярость.

Он сел, вызывающе глядя на Глеба, игнорируя второго, ничем не проявившего себя парня.

– Дим, ходи уже или сдавайся, надоело ждать. Все равно тебе мат через пару ходов.

– Дай подумать!

– Ну, попыхти мозгами, – снисходительно согласился Глеб.

Лиза мрачно молчала, глядя на расстановку фигурок внутри прозрачного куба.

Иван совершенно не понимал, чем они тут заняты.

– Ну что, «консерв»? – обратился к нему Глеб. – Как тебе у нас? Нравится? Гляжу, ты такой весь мускулистый.

– Зато ты доходяга! – У Ивана от обиды даже в голове помутилось. – Не мог нормальный аватар заказать? Или денег на вирт-дизайн нет? Сам слепил?

Глеб минуту хохотал, затем вытер выступившие от смеха слезы.

– Чего ржешь? – Иван инстинктивно сжал кулаки.

Лиза наклонилась к нему:

– Мы не носим аватары, – с укором шепнула она. – Здесь у всех настоящий облик.

– Почему?! – Иван от удивления вытаращил глаза.

– Носить аватар неприлично. Так не принято у нормальных людей.

– А я, по-твоему, ненормальный?

Лиза пожала плечами, промолчала.

– Ты – «консерв». – Глеб продолжал ухмыляться, нагло разглядывая Ивана. – Что, не понимаешь? Слово незнакомое? – Он окончательно отвлекся от наскучившей шахматной партии и теперь откровенно глумился: – Раньше, до появления синтетической пищи, так продукты впрок заготавливали, – снисходительно пояснил он. – Мясо, например. Закатывали в жестяные банки и хранили годами. Ну чем не инмод?

Иван в первый момент ступешевался, не нашел подходящего хлесткого ответа, а Глеба «понесло»:

– Вообще-то ты раб. Раб наших прихотей и удовольствий.

– Язык придержи!

– А что такого? Правда не нравится? Да тебя вообще тут быть не должно! Это мы вольны ходить в нижележащий Слой за развлечениями. А вы обязаны нас ублажать. Ты вот, к примеру, чем на жизнь зарабатываешь?

Иван взглянул на Лизу, ища поддержки, но девушка лишь пожала плечами, словно хотела сказать: «Выпутывайся сам, я ведь предупреждала».

– У меня будет своя Вселенная! – сгоряча выпалил Иван. О собственном мире, куда станут приходить другие пользователи, мечтает каждый подросток, но между грезами и их реализацией лежит титанический труд. На подобные сетевые подвиги у Ивана не хватало терпения.

– Будет? – весело переспросил Глеб. – А когда?

– Скоро!

– Ты от ответов не уходи. Сейчас чем зарабатываешь?

– От случая к случаю, – буркнул Иван.

– А случаи разные бывают, да? – продолжал издеваться Глеб. – В виртуальных борделях еще не пробовал? Там неплохо платят. Я вот бывал в нескольких, понравилось, правда, пришлось раскошелиться...

– Заткнись! – Лиза не выдержала и вдруг, привстав, влепила ему пощечину. Звонкую, сильную, у Глеба даже красное пятно на щеке осталось.

Иван уже совершенно не владел собой, но и сделать ничего не мог. Ярость не просто душила, потребность избить Глеба до полусмерти стала невыносимой, но, увы, он не обладал в Высшем Слое правом воздействия.

Глеб тем временем потер щеку и произнес довольно угрожающе:

– Ладно, мальчик, я тебя запомнил. Надеюсь, ты не меняешь аватары каждый день? Нет? Ну и отлично. Жди. Приду к тебе в Слой, там потолкуем. – Он встал, грубо потеревил за плечо своего дружка, который, не обращая внимания на ссору, искал выход из тяжелой ситуации, сложившейся для него в шахматной партии. – Дим, пошли!

– А чего?

– Да ничего! Просто пошли отсюда. Пусть Лиза с куском консервированного мяса позабавится.

Иван еще ни разу в жизни не испытывал такого унижения, ярости и беспомощности. Взрослея среди кровавых будней игровых реальностей, он не задумывался, когда бить, а когда убегать. Бить всегда, однозначно. Желательно насмерть, так, чтобы даже после перезагрузки у противника ломило виртуально сломанные кости.

– Ну и как тебе? – Лиза закинула ногу на ногу. Она вела себя странно, мечтательная улыбка исчезла с ее губ, выражение лица стало злым, сосредоточенным.

– Что за бред он нес?!

– Относительно твоего Слая?

– Угу. – Иван сел в неудобное кресло, проводил недобрым взглядом две удаляющиеся фигуры.

– Глеб сказал правду. Ты что, на самом деле ничего не понимаешь? – удивилась она.

– Нет!

Лиза поджала губы:

– Тяжелый случай. Я думала, ты вполне осознаешь свое положение.

– Он назвал меня рабом!

– А кто ты? – Девушка словно нарочно подливала масла в огонь, продолжала развивать взрывоопасную тему.

– Я свободный человек! – выкрикнул Иван.

Она с грустью покачала головой:

- Ты свободный аватар.

Иван насупился, а она продолжила:

- Глеб, конечно, сволочь, но выразился он абсолютно точно. Ты раб инмода, жизненных обстоятельств, факта рождения, сформированного в виртуалке образа мышления – выбирай причину на свой вкус. Суть не изменится.

- Мы скоро переедем в Антарктический мегагород! – запальчиво выкрикнул он, выкладывая свой последний козырь.

- И кем ты там станешь? – уточнила девушка.

- Не знаю, пока не думал!

- Ты будешь жить в Слое, куда бы ни переехал, – уверенно предрекла Лиза.

Разговор у них получался странный и неприятный.

- Да что ты заладила: Слой, Слой! – огрызнулся Иван. Он не видел ничего позорного в своем образе жизни. – В виртуальных мирах постоянно требуются жители! Там хорошо платят! Я могу стать кем угодно. Хоть римским легионером, хоть исследователем космоса!

- И какие же роли ты предпочитаешь? – В отличие от Глеба Лиза задавала вопросы без презрительных или высокомерных интонаций, скорее, с интересом исследователя, которому попался уникальный экземпляр для неожиданного эксперимента, но Иван, ослепленный взбунтовавшимися эмоциями, не замечал этого.

- Ну, мне нравятся фэнтезийные реальности! Еще гонками увлекаюсь, но только нормальный флайкар пока не могу купить.

- Хорошо, допустим, ты не ощущаешь себя рабом, хотя суть от этого не меняется. – Она встала, подошла, присела на широкий подлокотник его кресла и

вдруг ласково коснулась щеки Ивана, демонстрируя абсолютное право воздействия, напоминая, кто в этом Слое хозяин, а кто гость. – Ну, не злись, прошу! Вообще-то ты мне нравишься. – От ее прикосновения вдруг бросило из жара в холод. – Хочешь понять, что к чему? И вообще, скажи, что ты предпочитаешь: злую правду о себе или быстрый секс в знак моей признательности за спасение?

Пару минут назад он бы выбрал второе, но сейчас, сходя с ума от ощущения ее близости, Иван вдруг стал действовать назло желаниям.

– Правду, – буркнул он в угоду юношескому максимализму. – Только откуда тебе знать, кто я, как живу, кем стану?!

– Я в теме, – уверенно ответила Лиза. – Учусь в академии Всемирного Правительства. На последнем курсе. Изучаю психологию жителей киберпространства.

– И как же ты, такая умная, вдруг оказалась среди гор мусора?!

– Ну, если помнишь, случилась сетевая атака. – Девушка проигнорировала его выпад. – Меня просто вышвырнуло в основу Слоя. Обычно мы получаем прямой доступ к нужной реальности, минуя вашу помойку, – пояснила она. – Я испугалась, растерялась, моя способность к мгновенному сетевому перемещению оказалась заблокирована. Защитные программы, которые обычно отсекают большинство неприятных интерактивных воздействий, перестали работать. Я бы там просто задохнулась от вони. Seriously! Ты меня по-настоящему спас. – Лиза шепнула последнюю фразу на ухо Ивану, обожгла дыханием.

Он совершенно запутался в своих порывах, желаниях, мыслях. Да ну к фрайгу этот Высший Слой!

– Помнишь, я говорила о книгах? – словно не замечая его состояния, Лиза продолжала спокойно рассуждать. – В отцовской библиотеке нашлось немало фантастических романов. Я перечитала их все. Как нелепо и однобоко рисовали себе будущее люди двадцатого века! Они много чего придумали, но даже близко представить не смогли нашу действительность!

Ее слова текли мимо сознания, не находя отклика, по крайней мере Ивану так казалось. Он уже не хотел продолжения, в чем бы оно ни выразалось. Его совершенно не интересовала пресловутая «правда». Хотелось найти повод, чтобы встать, развернуться и уйти, навсегда забыв о сегодняшнем «приключении».

– Понимаешь, Ванек, вы все, – Лиза явно обобщала жителей Среднего Слая, – абсолютные социопаты. Нелепые фантомные миры исказили ваше сознание, воспитали качества, не имеющие никакой связи с настоящим миром. Любовь, дружба, честь, долг – эти слова хоть что-то для тебя значат? Или они навсегда утрачены? Чем и кем ты дорожишь на самом деле? Что для тебя семья, например?

Иван лишь скривился в ответ.

– Я пойду, – решительно буркнул он.

– Нет уж! – Лиза удержала его за руку. – Сначала ответь.

– Ты еще хуже, чем Глеб!

Она сокрушенно покачала головой:

– Даже если уровень промышленного тумана вдруг понизится, вас никто не выпустит в реальный мир.

– Почему?! – возмутился Иван.

– Иначе рухнет огромный сегмент экономики, – уверенно пояснила она. – На Земле сейчас живет восемнадцать миллиардов человек. Из них четыре – в инмодах, миллиард еще ниже, в капсульных блоках, на самом «дне». Выше среднего – тринадцать миллиардов. Подумай или хотя бы попытайся представить такое количество людей, сконцентрированных в мегакварталах, в тесной прослойке между границей промышленного тумана и настоящей облачностью. Им некуда пойти. Нечем развлечься. Для них существует только одна отдушина – фантомные миры Среднего Слая. Но Всемирное Правительство запретило использовать в Сети искусственные интеллекты, создав тем самым

серьезную проблему. Киберпространство стало предсказуемым, неинтересным, а человек, сходящий с ума от скуки, очень опасен, поверь. Но возникшую проблему удалось решить, как только появились инмоды. Теперь в мирах Среднего Слая нет чисто компьютерных персонажей – их заменили вами.

– Население игровых вселенных на самом деле – живые люди?! – До Ивана, наконец, начал доходить смысл ее слов.

– А ты как будто не знал?

– Не задумывался, – буркнул он.

– Вам платят. Совсем немного, сущие крохи, за «проживание» в определенном фантомном мире. Но зачем? Откуда берутся эти деньги?

– Понятия не имею!

– Для жителей мегакварталов вход в Слой платный, – охотно пояснила Лиза. – Но каждый пользователь желает получить за свои деньги весь спектр мыслимых развлечений, а компьютерные боты с такой задачей не справляются. Теперь ясно? Жители инмодов за последние десять лет полностью заместили компьютерных персонажей, внесли непредсказуемость, разнообразие в фантомные вселенные... и стали рабами Слая.

– Мы – живые декорации?! – неподдельно ужаснулся Иван. Он никогда не задавался подобными вопросами, не оценивал свою жизнь с такого ракурса.

– Ну, ты же спокойно перевоплощаешься в монстра, если контракт выгодный? – спросила Лиза.

– Да, – рефлексивно сглотнув, признал он.

– Владельцы фантомных вселенных – самые богатые люди на Земле. Они платят вам, получая деньги с других пользователей, которые, в отличие от тебя, не живут в Слое, а приходят туда развлечься по своему вкусу. Это эффективно работающая система. И ее никто не посмеет даже пальцем тронуть. Пока пользователи довольны, пока у них есть чем развлечься, убить время, никто не

выйдет на улицы, не станет бунтовать и вообще не задаст неудобных вопросов. Поэтому ты навсегда останешься в инмоде.

- И где же выход? - растерянно спросил Иван.

- Его нет. По крайней мере, на сегодняшний день при существующем положении вещей, когда всего пять процентов от населения Земли занято в реальных секторах экономики. Может, что-то изменится с освоением Марса, не знаю. Пока что исследования рисуют мрачноватую картину. Люди Слая морально выродились.

- Зачем ты это рассказываешь? Чтобы позлить?

- Сам напросился. Интересно, какой ты на самом деле? - Лиза грустно улыбнулась: - Аватар - лишь красивая оболочка. А где ж твоя душа, Ванек? Ты сам-то ее ощущаешь, осознаешь?

Он безразлично пожал плечами:

- Мне не интересно.

- Знаю. - Сожаление в ее взгляде стало колючим, льдистым. - Люди Слая разучились созидать. Обесценили жизнь. Никто не отвечает за свои поступки. Большинство семей распались. Подросло новое поколение, уже затронутое тленом. Вы бесконечно эксплуатируете примитивные инстинкты: убиваете, упиваясь кровавыми спецэффектами. Кочуете из реальности в реальность. Ваши женщины искусны в любви, но не способны любить. Мужчины brutальны, но знают ли они, что такое мужество? - задумчиво глядя на него, спрашивала Лиза. - И вы, как камень, тянете на дно трясины еще тринадцать миллиардов пользователей. Такую цивилизацию, такое будущее не смог предсказать ни один фантаст древности...

- Хватит! - не выдержав, выкрикнул Иван.

- Отпустить?

- Да!

– Как хочешь, – Лиза разочарованно пожала плечами.

Вспышка света, короткое головокружение.

В нос ударила вонь.

Он открыл глаза. Вокруг высились горы мусора, по ним блуждали серые смерчи.

Глава 2

Земля. Слой. Локализация инмода – мегаполис «Россия»...

Две недели, от случайной встречи с Лизой до дня своего совершеннолетия, Иван провел совершенно не так, как планировал.

Выкинуть из головы все случившееся, вернуться к прежнему образу жизни он не смог. Стал просыпаться чуть раньше обычного, хамить родителям, да и ежедневные выходы в Слой теперь воспринимал иначе. Он подсознательно искал опровержение словам Глеба и Лизы, но находил лишь их подтверждение, и от этого психологическое давление усиливалось, словно его рассудок начал сминать пресс.

Киберпространство.

«Все, что нам осталось от жизни», – фраза сидела занозой, постоянно напоминая о себе.

Иван стоял на перепутье. Он еще не совсем отбился от рук, в нем пока теплились искры полученного воспитания, но он уже вкусил доступность пороков Слоя, познал их, но, в отличие от большинства сверстников, еще не чувствовал в себе готовности утонуть – барахтался на поверхности, грезя о чем-то большем.

Он начал задавать себе крайне неудобные вопросы, ответов на которые попросту не знал. Он уходил от хандры, погружаясь в разные реальности, но забывался лишь на время.

В воспаленном, измученном воображении зарождались и умирали идеи, одна безумнее другой, но что он мог на самом деле? В лучшем случае привлечь внимание других какой-нибудь эксцентричной выходкой, стать кумиром на час или на день, но не на жизнь.

Пытаясь вырваться из внезапно обозначившегося тупика, Иван даже посетил несколько виртсеминаров, посвященных различным проблемам Слоя, но и там не нашел ни ответов, ни единомышленников, лишь получил новый груз противоречивой информации, переварить которую не смог. Завеса мира грез приоткрылась, но сквозь маленькую щелку навязанных мнений многого не разглядишь.

Земля умирала давно, тяжело и долго. Реальный мир постепенно становился царством машин, а Слой полыхал причудливыми вакханалиями обреченных.

Разработчикам не удалось создать жизнеспособную модель социальных отношений. Общество как таковое постепенно исчезло, изжило себя, по крайней мере тут, в Слое.

Улицы виртуального города наполнились аватарами. Для миллиардов людей настоящая жизнь кипела тут, в цифровых пространствах.

Среди источающих вонь гор мусора вились протоптанные к другим зданиям дорожки, на перекрестке уныло бродил чей-то аватар, облаченный в футуристические доспехи. Изредка он монотонно выкрикивал:

– Кинг Зигмунд набирает войско для вторжения в земли арнов! Не проходите мимо! Пять кредитов наемнику при вступлении в армию и два за каждого убитого врага! Только самые лучшие и кровавые спецэффекты! Не упустите шанс весело провести время и заработать!

Иван равнодушно прошел мимо.

Лиза разбудила в нем чувства. Он сгорал в их пламени, платил за внезапно вспыхнувшую влюбленность смертельным риском.

Пять кредитов его не устраивали. Пропуск в Высший Слой стоил намного больше. Только гонки без правил могли принести необходимую сумму заработка, но в таких состязаниях пилоты флайкаров нередко получали серьезные увечья и даже гибли. Хозяева нелегальных треков каким-то образом умудрялись поднять уровень интерактивности ощущений до небывалых высот – толпы зрителей платили за драйв, за осознание, что каждое столкновение может стать фатальным.

Ивану пока что везло, хотя, что греха таить, он не геройствовал на треке, отрабатывал свои две сотни в десятке аутсайдеров, не претендуя на сомнительную славу победителя.

* * *

– О, привет! – Проводник стоял на углу здания подле знакомого проулка. – Как обычно? В Высший Слой?

– Угу.

– Сто двадцать кредитов.

– Вчера было сто!

– Не хочешь – оставайся тут, – флегматично пожал плечами проводник.

– Кривой у тебя бизнес! Постоянным клиентам скидка полагается!

– Не ори на всю Сеть! И вообще, шел бы сегодня своей дорогой. Слишком нервный. А мне неприятности ни к чему.

– Ладно, забыли, – примирительно обронил Иван, переводя указанную сумму на счет проводника.

Тот молча исчез в подворотне.

Иван увязался за ним, стараясь не отставать. «Каждый раз новый маршрут, – мысленно удивлялся он. – Интересно, как проводники умудряются находить столько «дыр» в системе безопасности?»

Они вошли в подъезд здания. Пока Иван с некоторым брезгливым удивлением осматривал донельзя странные обшарпанные интерьеры, проводник старинным ключом отпер дверь квартиры, поманил за собой, внутрь.

Темная прихожая источала запахи сырости.

– Ну? Куда теперь?

– Назад, как и вошел. Лимит – два часа. Не успеешь вернуться этим же путем – я не виноват. – Аватар проводника растворился в воздухе.

Иван недоуменно пожал плечами, вновь толкнул дверь квартиры, ожидая увидеть все тот же неприглядный подъезд старинного здания, но ошибся.

За дверью располагалось совершенно другое помещение – светлое, с высоким сводчатым потолком и богатой отделкой.

Иван вышел на улицу, осмотрелся.

Ярко светило солнце. Вокруг простирался парк. Он свернул на перекрестке аллеи, стараясь не попадаться в поле зрения других аватаров.

Дом, где жила Лиза, располагался на холме. К красивым постройкам вела стилизованная под старину дорога.

Сердце замирало в груди.

После сетевой атаки двухнедельной давности они встречались трижды. Иван терял голову от пламени чувств и желаний, в которых сгорал, а Лиза, будто нарочно, сохраняла дистанцию, не отвергая его юношескую страсть, но и не отдаваясь ей.

Он изо всех сил сдерживал себя, интуитивно понимая: ее хрупкий образ не приемлет грубости, хамства, но первая любовь пылала все жарче, он погибал в инмоде, его мир с каждым днем становился все серее, у?же, и только тут, среди просторов Высшего Слая, он ненадолго оживал, питая несбыточные надежды.

Сегодня Лиза встретила его на половине пути.

Она материализовалась посреди дороги, протянула руки, коснулась губами его щеки и тут же выскользнула из объятий.

- Пошли, прогуляемся. Неподалеку есть озерко. Там очень красиво. - Ее улыбка сводила с ума.

- Идем. - Он взял ее за руку.

Мысли путались. Где-то произошел сбой, и на миг он выпал в реальность инмода: почувствовал, как движется под ногами беговая дорожка, а вместо прикосновения девушки пальцы сдавливают нановолокна вирткостюма.

Он едва не взвыл от убивающего рассудок контраста.

- Ванек, что случилось? - Лиза отпустила его руку, невольно отступила на шаг, испуганно и вопросительно взглянула.

- Ничего. Извини. Какой-то глюк. - Он мучительно пытался справиться с острыми, нахлынувшими вдруг эмоциями.

- Неинтересно со мной? Ты какой-то нервный сегодня. И аватар у тебя сбоит. - Она оглянулась в сторону холма. - Может, я пойду?

- Нет, прошу, не уходи, все нормально!

- Ну ладно. - Лиза свернула на едва приметную тропинку, вьющуюся среди цветущего кустарника. Терпкие ароматы показались Ивану неприятными, удушливыми, но вскоре заросли остались позади, стежка вывела к заводу.

Лиза, балансируя руками, прошла по узким мосткам, присела на краю, снизу вверх взглянула на Ивана, звонко рассмеялась:

- Ну чего ты весь такой напряженный, скованный?

Иван присел рядом с ней.

- Ты мне очень нравишься.

- Знаю. - Она тяжело вздохнула. - Ты тоже мне нравишься, Ванек.

Он робко обнял ее, коснулся щеки подрагивающими кончиками пальцев.

- Не надо, - попросила Лиза.

- Почему?

- Это все ненастоящее.

Ивана словно током пронзило.

- Мы, наверное, не увидимся больше, - грустно сказала Лиза. - Помнишь Глеба?

- Угу. - Он ни на секунду не забывал о недавнем инциденте.

- Он видел нас вместе. Позавчера. Сообщил, гад, в сетевую полицию. И отцу моему пожаловался.

- У тебя неприятности?! - Иван напрягся.

- Нет, мне они ничего не сделают. Но отец очень разозлился. Знаешь, я бы очень хотела встретиться с тобой в реале. По-настоящему. Но ты в инмоде, а я... - Она грустно улыбнулась, сложила ладони лодочкой, дунула на них, и в воздухе появились цифры, серой змейкой скользнули в кибстек Ивана. - Мой номер. В реале. Позвони, если когда-нибудь выберешься из инмода.

– Лиза, почему?! Почему мы не можем...

Она ласково закрыла его губы поцелуем.

– Потому что ты мне нравишься. Очень нравишься. А это, – она окинула взглядом кромку берега, кустарник, деревья, – это подделка. Я сыта по горло фальшивой жизнью. Не хочу ее. И наших встреч не хочу. Из них ничего не выйдет.

– Лиза, подожди!

– Иван, не надо. Не хочу иллюзий. Мне противны прикосновения тактильных нановолокон. Позвони, если вырвешься, – повторила она. – Я дам тебе подсказку на прощание: мой отец сделал огромное состояние на миграциях промышленного тумана.

Миг, и она исчезла. Просто растворилась в воздухе.

* * *

Первая любовь. Она повергает нас в пропасть неведомых ранее ощущений, неодолимых желаний, иллюзий, надежд, обжигает, как пламя, лишает рассудок права голоса, заставляя совершать безумные поступки.

Кто из нас не прошел через это?

Свой двадцатый день рождения Иван Стожаров встретил в инмоде.

Адский огонь пожирал его изнутри.

Он заблокировал весь список коннектов. Погрузился в Сеть и не выходил оттуда.

На улицах призрачного города кипела повседневная жизнь. С каждым годом все больше людей называли цифровое пространство своей истинной средой обитания. Здесь было все и... не было ничего.

Иван медленно, бесцельно брел по пространству Среднего Слая. Его недавно в очередной раз вычистили от мусора, и основа виртуального существования выглядела несколько непривычно, но он едва ли обращал внимание на приятные перемены.

Прощальные слова Лизы дотла выжигали рассудок.

Конечно, неудовлетворенность жизнью ощущалась и ранее, но зерно мятежа, набухая внутри, никогда бы не дало жизнеспособный росток.

Иван присел на скамейку. Он не знал, что теперь делать. Как вырваться из инмода? Как перейти на качественно иной уровень существования?

Взгляд по сторонам вызывал лишь злость и омерзение.

«Консервы»... – Он сплюнул. – Для нас сконструировали мир грез. Придумали цели и создали способы их достижения. Но в чем смысл?» – непривычные мысли пугали.

Лиза несколькими фразами открыла ему глаза, сорвала шорки, и теперь уже никуда не убежишь, нигде не спрячешься от себя.

Воображение рисовало миллионы инмодов, гротескно прорисовывало черты их обитателей, невольно сравнивая с аватарами – образами явно приукрашенными.

Первая любовь, ко всему прочему, еще и слепа. Нет сильнее, прекраснее и опаснее этого чувства, с равной легкостью дарующего жизнь и сеющего смерть.

Мир Ивана Стожарова покрылся трещинами и грозил вот-вот рассыпаться, превратиться в груды бессмысленных и уродливых обломков.

Планы, построенные на будущее, казались теперь смешными, никчемными.

«Она живет в реальном мире. За облаками, где нет инмодов. И как я туда попаду?»

Пробраться, конечно, можно. Он был уверен – в реале тоже существуют свои лазейки, но без надлежащего статуса, без денег он так и останется изгоем, воришкой, нарушителем границ. Да и страшно. Жизнь вне инмода уже подернулась дымкой забвения.

* * *

Совершеннолетие сопровождалось радикальным обновлением программного обеспечения импланта и кибстека – теперь он стал полноправным гражданином Земли, и перед ним автоматически открылись новые, недоступные ранее возможности. Иван получил доступ к коммерческим Сетям, право заключать сделки от своего имени и личный счет во Всемирном Банке, на который в день двадцатилетия была перечислена сумма в пять тысяч кредитов – социальная подачка от Всемирного Правительства.

«Промышленный туман».

Два слова постоянно вертелись в голове, не давали покоя. Лиза оставила ему подсказку, которую Иван не мог понять, сколько ни размышлял.

«Ну не просто же так она их сказала! Неужели я вправду настолько туп? Ведь ответ где-то на поверхности, он должен быть простым, очевидным!»

Он пробовал снова и снова.

Десятки информационных потоков вливались в цифровое пространство его инмода. В основном это были данные, связанные с промышленным туманом и флуктуациями токсичной среды.

Совершенно запутавшись в таблицах и графиках, Иван пошел на крайний шаг: он арендовал экспертную нейросеть, истратив на это деньги, полученные от Всемирного Правительства.

Немедленно ответа он не получил, но начал кое-что понимать.

Единая техносфера Земли находилась в процессе бурного формирования и роста, она, словно панцирь, постепенно заковывала планету в искусственную

индустриально-промышленную оболочку. Ядовитый туман конденсировался на высоте ста – ста пятнадцати метров и постепенно поднимался ввысь. Изначально его верхняя граница прогнозировалась на уровне двухсот семидесяти метров. Здания на этом отрезке высот не имели окон и были отданы техническим службам.

Начиная с трехсотметровой отметки городские уровни резко видоизменялись. Жилые комплексы образовывали мегакварталы, миллионы квартир и кварткапсул были сданы в эксплуатацию и заселены еще до появления первых непрогнозируемых выбросов.

Общеизвестный факт. Иван на собственной шкуре испытал последствия роковых ошибок в расчетах проектировщиков. Ему было семь лет, когда промышленный туман начал подниматься выше критических отметок. Степень защиты жилых помещений выдерживала лишь краткосрочные воздействия, и единственным выходом из внезапной катастрофической ситуации стало повсеместное внедрение инмодов.

За тринадцать лет положение дел изменилось лишь в худшую сторону. Токсичная среда укутала Землю сплошным саваном. Три корпорации: «Мегапул», «Генезис» и «Римп-кибертроник» – совместно искали решение проблемы, но пока что им удавалось одерживать лишь локальные победы.

Высота верхней границы промышленного тумана стабилизировалась на отметке в пятьсот метров относительно уровня Мирового океана.

Сотни так и незаселенных жилых помещений на зыбкой, капризной, изменчивой границе между жизнью и смертью давным-давно обесценились. Они рассматривались как потенциальные вместилища для инмодов, ведь темпы строительства Антарктического мегагорода и коренной реконструкции уже существующих мегаполисов по-прежнему не удовлетворяли нужды населения Земли после демографического взрыва двадцатилетней давности.

Острая нехватка жилья лишь усугублялась вполне естественным желанием обитателей инмодов перебраться в нормальные кварткапсулы, улучшить условия жизни.

Прошло четыре дня, прежде чем в сознании Ивана забрезжил свет истины.

«Мегапул» продолжал строительство новых городских уровней, и по мере роста высотных мегакварталов постепенно менялись сила и направление господствующих ветров!

Арендованная Иваном экспертная нейросеть, обработав карты миграций промышленного тумана, проанализировав показания сотен тысяч датчиков, выдала неожиданный, ошеломляющий прогноз: в течение ближайшего месяца верхняя граница токсичных выбросов на определенных участках мегаполиса «Россия» упадет до отметки в четыреста пятьдесят метров!

Сотни незаселенных кварткапсул окажутся в границах, пригодных для жизни!

Дальше уже и без участия экспертной нейросети несложно понять простую арифметику: сейчас кварткапсулы пустуют, они выставлены на продажу по бросовым ценам, но вскоре ситуация радикально изменится! Цены на недвижимость взлетят до заоблачных высот!

«Конечно, существовал огромный риск, что изменения временные и граница отравленной зоны вновь отвоюет утерянные позиции, но это мелочи, – лихорадочно думал Иван. – Если купить сейчас хотя бы десяток кварткапсул и, выждав некоторое время, выгодно продать их, то путь наверх мне обеспечен! Я стану богат, мой социальный статус мгновенно изменится!»

Открытым оставался только один вопрос: где взять деньги на покупку кварткапсул? «Бросовые цены» исчислялись пятизначными цифрами, а на его личном счету после аренды экспертной нейросети осталось всего восемьсот кредитов.

* * *

Во Всемирном Банке Ивану вежливо отказали.

Заработать необходимую сумму в Слое просто не представлялось возможным. Его мечты грозили вновь рассыпаться в прах, а времени оставалось все меньше. Результаты исследования он держал в тайне, никому не рассказывая о своей цели.

Он завтракал в кафе, когда к нему за столик подсел незнакомый аватар:

- Привет. Слышал, ты ищешь крупную сумму денег?

Иван поднял взгляд.

Напротив него сидел полноватый мужчина с добродушной, располагающей, прямо-таки внушающей доверие физиономией.

- Вы ошиблись, - по инерции буркнул Иван. Все же он не считал себя круглым идиотом!

- Я не могу ошибиться. - Толстяк улыбнулся. - У меня вполне достоверная информация. - Он перехватил недоверчиво-вопросительный взгляд и добавил: - Скажем так, от некоторых весьма надежных источников во Всемирном Банке.

Иван внутренне похолодел. Опыта подобных переговоров у него не было и в помине.

- Перейдем к делу.

- Мы даже незнакомы.

- А надо ли? Ну хорошо, молодой человек, называйте меня Андреем Сергеевичем. Я частный инвестор. Финансирую рискованные проекты. - Он вновь улыбнулся - открыто и добродушно. - Речь ведь идет о сумме в сто девяносто тысяч кредитов. Меня правильно информировали?

- Допустим. - Иван понимал, все это неправильно, даже сам факт общения с «частным инвестором» сулит неприятности. - Но информация конфиденциальная. Вы не могли ее получить.

- Иван, да перестаньте! - Толстяк пренебрежительно взмахнул рукой. - Мы же не в Средневековье! Вся наша жизнь оцифрована, от рождения и до смерти. Информация - тот же товар. Вы были чрезмерно осмотрительны, подавая заявку во Всемирный Банк, именно это обстоятельство и привлекло мое внимание.

- И вы дадите мне деньги по доброте душевной?

- Конечно же, нет! - рассмеялся толстяк. - Не зная, на что вы их собираетесь потратить, не имея возможности просчитать риски, я готов предоставить интересующую вас сумму лишь на короткий срок, скажем на месяц, под солидный процент, с обязательным материальным обеспечением.

- У меня нет такой возможности.

- Ошибаетесь! Возможности существуют всегда, иначе я бы тут не сидел.

- Вас неверно информировали.

- О, я же не похож на дилетанта, верно? - обиделся толстяк. - Не так давно вы арендовали экспертную нейросеть и работали с ней неделю. Очень солидное исследование, учитывая аналитические возможности оборудования. Вы ведь совершенно уверены в успехе своего предприятия, раз обратились во Всемирный Банк по официальным каналам, и даже предложили личный инмод в качестве обеспечения кредита.

- Почему же мне отказали?

- Они слишком осторожны. Ваша молодость и упрямое нежелание предоставить бизнес-план внушили обоснованные опасения.

- Но вы-то его тоже не получите!

- А мне и не нужно. Вернемся к делу. У вас есть инмод. Он стоит примерно тысяч двадцать шесть - двадцать семь. Такие же устройства являются собственностью взрослых членов вашей семьи. Семьдесят пять тысяч залога, уже неплохо, но еще недостаточно. А вот если добавить права на кварткапсулу в Антарктическом мегагороде, это уже серьезно и полностью покрывает любые возникающие у меня риски!

- Ничего не выйдет, - подумав, угрюмо ответил Иван. - При всем желании я не смогу предоставить такое обеспечение. У меня натянутые отношения с родителями.

– Не беда. Вы же уверены в своем успехе? – вновь спросил толстяк.

– Я-то уверен, но родителей убедить не смогу. Даже пытаться не стану. Они всю жизнь работали, оплачивая возможность переселения в Антарктику.

– Понимаю, – кивнул толстяк. – И готов подсказать выход.

– Его нет.

– Мне будет достаточно электронных подписей, сгенерированных имплантами ваших родителей.

– Я что, не ясно сказал? Они не станут ничего подписывать!

– Печально. Хотя ваши родители могут оставаться в счастливом неведении. Есть человек, который за определенную плату заставит их импланты передать нужные данные.

Иван вздрогнул от неожиданности, но задумался. Этот «Андрей Сергеевич» подвернулся как нельзя кстати и в буквальном смысле «зацепил» неожиданным предложением.

«Нет! Не поступай так!» – здравый смысл пытался протестовать, но Иван не слушал голос рассудка. Нужно понять, где и в чем подвох, лихорадочно думал он.

– То есть родители ничего не узнают? А если моя... затея провалится?

– Увы, в таком случае им придется расстаться с собственностью в Антарктике и даже с личными инмодами. Но, смею уверить, власти города не бросят их в беде, предоставят места для проживания в капсульном блоке, где-нибудь на самых нижних уровнях, с изменением статуса социальной Сети, естественно.

Иван поежился, живо представив нарисованную толстяком перспективу.

– Это ваш шанс, молодой человек. Или умерьте свои финансовые требования, и мы сможем ограничиться залогом вашего личного инмода, или используйте

предложенную мной возможность. Я не тороплю. Подумайте.

– В чем же смысл?! Если вы способны получить электронные подписи, сгенерированные имплантами, – он мысленно ужаснулся таким возможностям, – то зачем вообще со мной разговариваете?

– Я не мошенник и не грабитель, молодой человек! – укоризненно воскликнул Андрей Сергеевич. – Всего лишь скромный финансист. Но если дело дойдет до судебного разбирательства, мне нужен мотив. Ну посудите сами, зачем вашим родителям брать деньги под залог? У них нет никаких поводов к такому поступку! Другое дело – их сын. Откровенно говоря, мне все равно, куда и на что вы потратите деньги. Я ничем не рискую. Таков способ моего заработка. Вы передаете мне заверенные документы – я даю вам деньги под процент.

– Ничего не понимаю! – Иван разозлился. – Это дурно пахнет! По правилам я должен указать легальный источник своих средств!

– А я и есть легальный источник, – невозмутимо ответил Андрей Сергеевич. – Вы получите краткосрочный кредит на законных основаниях.

– И кто же мне его предоставит?

– Я зарегистрирован как частный инвестор. Это мой бизнес, понимаете?

– Не совсем. Вы рискуете...

– Да ничем я не рискую! – махнул рукой толстяк. – Скорее разумно использую возможности, которые бездарно упускают крупные финансовые учреждения.

– Почему бы вам просто не подделать подписи и завладеть имуществом? – упрямо допытывался Иван.

– Ох уж молодость... – Толстяк погрузился. – Ну зачем мне преступать закон?

– Но вы только что предложили мне подделать...

– Во-первых, никто ничего не подделывает! – возмутился толстяк. – Генерация уникальных подписей настоящая! Но, видимо, я зря теряю время! – Он встал, собираясь уходить.

– Как мне вас найти? – сдавленно спросил Иван, не поднимая взгляда.

– Я буду тут через пару дней. В это же время.

– А как мне встретиться с тем человеком? Ну, тот, о ком...

– Не нужно ни с кем встречаться. Вашего принципиального согласия будет достаточно. Об остальном не беспокойтесь. Я все сам организую.

Иван ссутулился. «Страшно... Но дело-то беспрюирышное! С продажи одной кварткапсулы я полностью расплачусь с долгами! Никто не пострадает! Родители и не узнают ничего!»

– Подождите! – Он не выдержал искушения. – Давайте обговорим детали... – упавшим голосом, чувствуя, что совершает безумный поступок, добавил он.

* * *

Инвестор не обманул. Уже утром следующего дня на счет Ивана Стожарова поступило сто девяносто тысяч кредитов.

Он начал действовать немедленно: тщательно выбрал десять кварткапсул и приобрел их через Сеть. Дальнейшие шаги Иван представлял смутно. Сидеть в инмодe? Шататься по игровым реальностям?

Нет, нейросеть не могла ошибиться. Значит, пора выбираться из консервной банки – надо привыкать к новой жизни!

На последний отчаянный шаг он решился под давлением страха. Если что-то вдруг пойдет не так, как посмотреть в глаза родителям?

Поступок больше походил на бегство, но он мысленно называл его иначе.

Оболочка инмода с шипением открылась.

Тишина. Затхлые запахи нежилого помещения.

Иван переступил порог, сделав шаг между двумя жизнями. Эту квартиру он помнил, но смутно. Да и неважно теперь.

Инмоды занимали почти все свободное пространство. Затемненное окно не пропускало свет. Жутковато. Он неуверенно направился в сторону прихожей, страшась, что сервы переоборудовали и ее. Может, их вообще замуровали тут наглухо?

Нет. Дверь, ведущая в подъезд, осталась на прежнем месте. Подле нее горел красный сигнал. По обе стороны в стенных нишах он заметил пять комплектов защитной экипировки, отыскал среди них подходящий по размеру, суетливо, неумело надел, шагнул к двери, даже не оглянувшись, не бросив прощального взгляда на инмоды родителей, брата и сестры.

Лучик сканера скользнул по облачению Ивана. Автоматика не нашла изъянов в герметичных соединениях, и тогда на фоне стены появилась надпись:

«Вы действительно хотите выйти наружу?»

«Конечно, хочу!» – Он коснулся пиктограммы подтверждения. Дверь открылась с неожиданным, резанувшим по нервам скрипом. Сколько же лет ей никто не пользовался?

В подъезде царил полумрак. Редкие осветительные панели едва тлели, мимо, шелестя приводами, просеменил серв.

Никого. Двери квартир плотно заперты. Повсюду красные огоньки индикации. Лифт не работал, пришлось искать аварийную лестницу, спускаться по ступеням.

Ивану казалось: он остался один на всей планете. Глухая ватная тишина, в которой слышался лишь звук его собственных шагов да прерывистое взволнованное дыхание, пугала. Спуск вниз по лестничным маршам казался бесконечным. Этаж за этажом, все ниже и ниже. Живы ли другие люди? – Дурацкие мысли лезли в голову, нагнетая обстановку.

Не выдержав, он открыл дверь, заглянул в коридор очередного этажа.

Спину обдало холодком. «Ну, ничего себе! – Взгляд скользнул по ровным шеренгам инмодов. – Места в квартирах не хватило? Или их установили тут позже? Да какая мне разница?!» Он захлопнул дверь, продолжил спуск, но увиденная картина словно застыла перед глазами.

До выхода из здания Иван добрался минут через тридцать, находясь на грани нервного срыва. После тринадцати лет, проведенных внутри инмода, реальность едва не раздавила его психику. Дождется ли вызванный по Сети флайкар, или придется пешком добираться? Беспокойство росло. Обезлюдивший мир, где и серва-то встретить – уже событие, казался бесконечной унылой декорацией к некоему так и не состоявшемуся действию.

Он по инерции мыслил категориями фантомных реальностей, не осознавая необратимости происходящего. Каждый шаг уносил его все дальше и дальше, пропасть между существованием в инмоду и неведомым, неясным пока будущим ширилась.

Воспоминания детства стучались в рассудок. Вот и выход из здания, ведущий на улицы городского уровня. Просторный некогда холл теперь плотно заставлен шеренгами инмодов, от потолка к ним тянутся отблескивающие металлопластиком захваты, вдоль механизмов, оплетая их, вьются кабели и гофрированные трубопроводы, и все это окутано тишиной, будто саваном.

Он поспешил к массивным двустворчатым дверям. За ними, по воспоминаниям семилетнего мальчика, начинался парк, защищенный прозрачным куполом, чуть дальше располагалась стоянка машин, от которой вниз и вверх изгибались элементы дорожных развязок.

Он не узнал окрестностей. Деревья и кустарники исчезли. Остались остовы клумб, обрамления газонов, дорожки, но частицы прошлого выглядели

незначительно на фоне глобальных перемен.

Под куполом «зеленой зоны» он увидел все ту же картину: бесконечные шеренги инмодов. Между ними почти не осталось свободного пространства.

От реальности веяло могильным холодом. Незнакомое стылое чувство пробирало до костей. Сегменты куполообразного свода над головой еще не утратили прозрачности, за ними клубилась желтовато-серая субстанция, и от этого начинало всерьез казаться, что промышленный туман поглотил всю планету.

Пробираясь между инмодами, спотыкаясь о проложенные под ногами кабели, Иван едва не заблудился. Нервы откровенно сдавали. Он и представить не мог, что заветная свобода окажется столь мрачной, однообразной, жуткой.

Выход к парковке он нашел, двигаясь по следам прошлого. Кое-где среди унылого однообразия частично сохранились элементы декора центральной аллеи, которую он помнил. Изредка между инмодами попадались утратившие смысл скульптурные группы, участки высохшей, растрескавшейся почвы и даже потемневшие пни от спиленных деревьев.

Вопреки острым опасениям, вызванный через Сеть флайкар его дождался. Машина стояла у шлюза, ее габаритные огни виднелись сквозь серую мглу.

Вне купола ощущался ветер. Его порывы едва не сбили Ивана с ног. Пригибаясь, он добежал до машины, забрался внутрь, назвал автопилоту первый пришедший на ум адрес одной из десяти купленных кварткапсул.

Машина мягко тронулась с места, свернула на дорожной развязке, поднимаясь вверх по межуровневому серпантину.

Иван в полном изнеможении откинулся на мягкую спинку кресла. Страх понемногу отпустил, вокруг появились и другие машины, изредка, реагируя на движение транспорта, по обе стороны проезжей части вдруг появлялись разноцветные сполохи.

Он присмотрелся и понял: это срабатывают голографические рекламные блоки.

Надо же, людей давно запечатали в инмодах, а некоторые магазины уровня все еще генерируют рекламу?

Так и есть! Он подался к окну, разглядывая витрины. Сподохи выхватывали из мглы ставшие бессмысленными предложения товаров и услуг.

А если экспертная нейросистема ошиблась? Что, если уровень токсичных выбросов останется прежним?

Гнать прочь такие мысли! «У меня все получится!»

Флайкар неожиданно вынырнул из мглы, и сердце Ивана невольно замерло. Он увидел исполинские мегакварталы, паутину многоуровневых дорог между утесами сверхнебоскребов, мириады огней. Перед ним на несколько секунд открылась панорама города – непостижимого, огромного, живого.

Еще миг, и желтовато-серые космы ринулись навстречу, вновь проглотили машину, но в душе осталось щемящее чувство восторга. Тревога хоть и не исчезла, но отпрянула, притихла.

«У меня все получится!» – вновь и вновь твердил про себя Иван.

* * *

Последующие трое суток испытали его на прочность по полной программе.

Оказывается, жизнь в инмоде коренным образом перестроила не только психику, но и физиологию организма. Он не мог уснуть. Трехмодульная кварткапсула показалась Ивану слишком большой, размещение оборудования крайне неудобным. Выход в Сеть обеспечивали технологии двадцатилетней давности, все, к чему он привык, просто исчезло! Иван слонялся по необжитым помещениям, удивляясь, насколько бестолково тут все устроено.

Первую ночь он беспокойно ворочался на широкой неудобной кровати. От тревог и усталости болела голова, сон не шел, организм требовал сногаза, но подобная функция в кварткапсуле попросту отсутствовала!

Время тянулось очень медленно. Он пытался смотреть сферовизор, но допотопное устройство лишь раздражало, а новости реального мира казались бессмысленными.

На второй день Иван понемногу начал понимать, что вскоре сойдет с ума.

Сон – не сон. Явь – не явь. Сутки сливались в серую ленту тупого, сводящего с ума ожидания.

Садясь за стол, он давился безвкусной пищевой пастой, с раздражением познавая истинный смысл и предназначение многих предметов, о которых знал, но никогда не использовал их на практике.

Вторая и третья бессонные ночи подвели его к грани полного отчаянья, а утром четвертого дня произошло долгожданное событие!

Иван попросту ошалел от радости, когда в сводке утренних новостей сообщили о неожиданной миграции промышленного тумана!

Он вскочил, подбежал к окну, но увидел все ту же унылую мглу!

В Сеть! Скорее!

Примитивное оборудование уже не раздражало. Он погрузился в цифровое пространство, тратя последние деньги на подключение к датчикам разных городских уровней.

Пять! Пять из десяти купленных им кварткапсул оказались выше границы токсичных выбросов!

Иван не медлил ни минуты. Он тут же разместил в Сети предложение о продаже и уже через пару часов получил первый отклик от потенциального покупателя.

К вечеру он заключил сделку, став обладателем ста пятидесяти тысяч кредитов, и тут же потратил треть вырученной суммы на... покупку инмода.

Иного способа сохранить рассудок он не видел. Еще одна тоскливая, бессонная ночь пугала настолько, что он, не задумываясь, заплатил круглую сумму за срочную установку индивидуального модуля жизнеобеспечения.

Сервы быстро доставили необходимые устройства, а вот со сборкой провозились до полуночи. Все это время Иван с отрешенным видом сидел в кресле, изредка впадая в тревожное забытие, вздрагивая и просыпаясь от каждого резкого звука.

У него совершенно не осталось сил, чтобы радоваться своему успеху. Он был полностью истощен морально и физически. Дико хотелось нормально выспаться, по-человечески выйти в Сеть.

Наконец сервы собрали инмод. Иван прогнал их, не дав даже толком протестировать оборудование. Словно пьяный, он забрался внутрь, с неопишным блаженством увидел, как смыкаются створки индивидуальной техногенной скорлупки, а через минуту пьянящий запах сногаза окутал его, погружая в блаженное небытие.

* * *

Впервые за последние дни он спал как младенец.

Милый, уютный инмод. Надежная защита от всех неприятностей грубого и убогого реального мира.

Наутро Иван проснулся, чувствуя себя прекрасно отдохнувшим. Надежды и планы снова теснились в голове. Наскоро позавтракав, он вышел в Сеть. За ночь уровень промышленного тумана понизился еще на пятнадцать метров. Девять квартапсул, оставшихся в его распоряжении, теперь находились в «чистой» зоне. Цена каждой подскочила до двухсот тысяч, но покупатели осторожничали, не спешили. Новых предложений пока не поступало, новости выглядели противоречивыми, но ничего, думал он. Сила и направление ветра остаются прежними, как и предсказывал прогноз нейросети. День-два, и многие поверят, что изменения необратимы!

«Я богат! С такими деньгами могу жить где угодно!» – Восторженные мысли омрачались тяжелыми воспоминаниями последних дней, но Иван не пошел на поводу у въедливого страха. Нужно привыкать, решительно думал он.

Его социальный статус автоматически изменился, но Стожаров предусмотрительно закрыл эту информацию от других пользователей. Не хотелось, чтобы родители преждевременно узнали о его головокружительном взлете.

«Так что же мне делать? Как побороть фобии?»

Иван воспрянул духом. Теперь он был настолько уверен в себе, в успехе, что мыслил исключительно категориями будущего: «Как я войду в общество «заоблачного мира», если привязан к инмоду? Да меня же попросту засмеют!»

Он поставил кварткапсулы в режим автоматической продажи, а сам выбрался из инмода. На этот раз необжитые помещения не вызвали острого приступа депрессии. Он подошел к окну, выглянул наружу.

Промышленный туман клубился метров на тридцать ниже. Взгляду открылись недоступные ранее подробности. Города, как такового он не увидел, вокруг теснились недостроенные здания. Видимо, «Мегапул» заморозил их возведение, когда токсичные выбросы сделали эти высоты непригодными для свободного проживания.

Он оделся, вызвал флайкар.

Сто тысяч кредитов, оставшихся на счету после покупки инмода, странным образом воздействовали на психику. Шальные деньги «жгли», словно требовали: «Истрать нас!»

Голос рассудка не протестовал. Иван чувствовал себя совершенно другим человеком. Все неприятности остались позади!

Автоматика у входа не потребовала от него облачатся в защитный костюм. Рекомендации глобальной системы здравоохранения сводились к необходимости приема антитоксина, – две пилюли услужливо выкатились в неприметный лоток,

расположенный подле двери.

Иван проглотил их, вышел в подъезд.

Изменения чувствовались во всем. Заработал лифт. Освещение стало ярким. На этаже он заметил сервов, которые наводили порядок, удаляя со стен грязно-серые разводы.

Острые приступы страха пока не возвращались, и Иван заметно приободрился. Новая жизнь манила. Недавние похождения казались теперь мрачным сном. «А что я вообще хотел ощутить или увидеть, выбираясь из зоны промышленного тумана?» – думал он, списывая недавние страхи на стечение обстоятельств, привычно и легко превращая собственные недостатки в нечто героическое.

На самом деле его психика не могла коренным образом перестроиться за несколько дней, но мир как будто обновили. Иван вышел из подъезда здания, осмотрелся, дыша неглубоко, через нос, как рекомендовали инструкции, постоянно поступающие в кибстек.

Городской уровень находился в стадии незавершенного строительства. Стеклобетонный остов мегаквартала вздымался к облакам, уходил ввысь, а на зыбкой границе, где совсем недавно царили токсичные выбросы, здания зияли пустыми окнами, по этажам, подвывая, гулял ветер.

К подъезду мягко подкатил флайкар службы городского транспорта. Дверь распахнулась. Мягкий голос бортового компьютера пригласил внутрь, вежливо поинтересовался, куда бы господин Стожаров хотел отправиться.

– В город, – неопределенно ответил он, устраиваясь поудобнее.

– Пожалуйста, укажите адрес.

– Выше облаков. А там посмотрим.

Автопилот безропотно проложил маршрут к ближайшей наивысшей точке мегаполиса, предупредил:

– Поездка займет пять часов.

Иван кивнул, глядя в окно. Для него начиналась новая жизнь, и он хотел почувствовать ее вкус, понять, что же это такое – настоящая свобода.

* * *

Этим утром происходило много значительных событий, и одно из них случилось на окраине мегаполиса «Европа», там, где отроги стеклобетонного основания города вгрызались в древний горный хребет.

Промышленный туман клубился низко, лениво тек вдоль безжизненных серых склонов. Тут никто не жил. Горные долины, где некогда процветали фешенебельные горно-лыжные курорты, исчезли – их полностью похоронил под собой мусор[2 - Использование небольших горных долин в качестве «полигонов для захоронения отходов» практикуется уже сейчас.].

Группа из пяти флайботов с логотипами корпорации «Генезис» появилась над безжизненной местностью, совершила облет, сканируя территории, затем одна из машин пошла на снижение, осуществила посадку, высадила десант.

Фигурки людей в тяжелой сервоприводной экипировке выстроились цепью, начали прочесывать поверхность свалки. Вскоре небольшую площадку, признанную пригодной для посадки многотонных машин, оцепили по периметру.

Промышленный туман клубился низко над головой. Из глубин свалки лениво высачивались ядовитые испарения, тянулись к серому пологу, вливались в него.

Открылся шлюз, звякнул трап. Сухопарый старик спустился по металлическим ступеням, остановился, внимательно осматриваясь. Он не носил скафандра, дышал неглубоко, через нос. Вшитые в его одежду устройства работали надежнее, чем гермоэкипировка, позволяя свободно разгуливать среди источающих яд отвалов.

Пожалуй, лишь несколько человек на Земле имели доступ к подобным технологиям.

Пока исследовательские группы брали пробы токсичных почв, устанавливали оборудование, огораживали некоторые места сигнальными вешками, делали пометки на электронных картах, Ульрих Отто фон Фицджеральд, основатель «Генезиса», прогуливался среди зловония.

Зачем владельцу наиболее могущественной корпорации Земли лично посещать заурядную свалку, каких полно в окрестностях любого мегаполиса? В этом нет никакого смысла, только риск.

Еще один флайбот, на этот раз с логотипом корпорации «Римп-кибертроник», вынырнул из серой мглы и сразу же пошел на посадку.

С шипением отработал шлюз. В овальном проеме люка появилась массивная, закованная в броню фигура охранника, а вслед за ним по трапу спустилась женщина, облаченная в легкий исследовательский скафандр.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тактильные ощущения – форма кожной чувствительности, обусловленная работой двух видов рецепторов кожи: нервных сплетений, окружающих волосяные луковицы, и капсул, состоящих из клеток соединительной ткани. Различный характер имеют ощущения, вызываемые прикосновением, давлением, вибрацией, действием фактуры поверхности.

Использование небольших горных долин в качестве «полигонов для захоронения отходов» практикуется уже сейчас.

Купить: https://tellnovel.com/livadnyy_andrey/slepyy-ryvok

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)